

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ж 5308

4

1 9 5 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

С. М. АБРАМЗОН

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КИРГИЗСКИХ ШАХТЕРОВ КЫЗЫЛ-КІЯ¹

(Материалы к изучению быта киргизских рабочих)

До Великой Октябрьской социалистической революции среди киргизского народа, в прошлом одного из наиболее угнетенных народов царской России, имелось такое ничтожное количество фабрично-заводских рабочих, что о собственно киргизском промышленном пролетариате как о составной части дореволюционного киргизского общества можно говорить лишь весьма условно. Экономика Киргизии накануне революции представляла собой сочетание множества мельчайших киргизских полукочевых хозяйств во главе с численно небольшой манапско-байской группой, нескольких массивов земледельческих хозяйств русско-украинских переселенцев и небольшого числа мелких капиталистических предприятий, предназначенных главным образом для первичной переработки сельскохозяйственного сырья. При этом собственно киргизское хозяйство в целом было крайне отсталым, сохраняя в значительной мере полунатуральный характер, хотя в нем уже и начинали складываться капиталистические отношения.

Удельный вес носившей зачаточные формы промышленности в экономике дореволюционной Киргизии был незначителен, а число занятых в ней рабочих не достигало и полутора тысяч человек. По трем уездам Семиреченской области (Пишпекскому, Пржевальскому и Верненскому) общее число рабочих, занятых в промышленности, составляло в 1914 г. 2011 человек, в том числе 513 «киргизов»². Однако большинство этих рабочих приходилось на Верненский уезд (территория современного Казахстана), а в число «киргизов» входили и казахи; последние, повидимому, преобладали. Главная масса рабочих — киргизов и казахов — трудилась на шерстоечных, кожевенных, суконных и пивоваренных предприятиях; при этом шерстемойки работали всего три с половиной месяца в году, и, следовательно, работа на них имела сезонный характер. Во всей Ферганской области (в нее входила почти вся территория современной южной Киргизии) было учтено лишь 16 промышленных рабочих — киргизов (сюда не входят данные о рабочих горнодобывающей промышленности); они были заняты в кирпичной и хлопкомаслобойной промышленности³.

И все же появление на территории Киргизии капиталистической промышленности имело большое положительное значение, способствуя росту

¹ В основу настоящей статьи положены этнографические материалы, собранные во время непродолжительных поездок в 1950 и 1954 гг. в г. Кызыл-Кия Ошской области Киргизской ССР. Поездка 1950 г. была частью работ Киргизского этнографического отряда Памиро-Ферганской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР.

² В. А. Заорская и К. А. Александер, Промышленные заведения Туркестанского края, Птгр., 1915, табл. XVI.

³ Там же, табл. VII.

нового общественно-экономического уклада, создавая предпосылки для возникновения киргизского рабочего класса. В этом, в частности, нашло свое выражение огромное прогрессивное значение присоединения Киргизии к Русскому государству. Под влиянием капиталистической экономики России началось проникновение в киргизское хозяйство капиталистических отношений; в связи с этим стала углубляться классовая дифференциация киргизского общества. Все более нищавшая киргизская беднота и многочисленный сельскохозяйственный пролетариат с конца XIX — начала XX в. постепенно выделяли из своей среды первые десятки и сотни промышленных рабочих. Однако большинство из них не порывало связи с сельским хозяйством, и это обстоятельство накладывало свой отпечаток на облик зарождавшегося киргизского пролетариата.

Среди немногочисленных предприятий добывающей промышленности Туркестана в самом конце XIX в. на территории современной южной Киргизии возникают угольные копи.

Месторождения угля были задолго до этого хорошо известны киргизскому населению. Обнаруженный пастухами «горящий камень» широко использовался на топливо. Еще в 1868 г., до присоединения Кокандского ханства к России, на р. Кок-кене-сай (современный Ляйлякский район Ошской обл.) возникли и просуществовали несколько лет каменноугольные копи, принадлежавшие русскому купцу Фовицкому⁴. В 1898 г. на разведанных русскими геологами Романовым и Спечевым угольных месторождениях в ущелье Джинджиган, в нескольких километрах от г. Кызыл-Кия, предприниматель Шотт (киргизы называли его «Чот-бай») начал промышленную разработку угля⁵. Несколько позднее, в 1903 г., в ущелье Джал заложил угольную копи капиталист Фосс⁶. В 1906 г. в том же ущелье Джал, возле одноименного киргизского селения, открыл угольную копи предприниматель Ракитин⁷. Вскоре копи Шотта была залита водой, а копи Фосса в 1908 г. перешла к другому искателю наживы — Батюшкову, заложившему по соседству новые шахты. В 1912 г. Батюшков продал свои предприятия акционерному обществу «Кызыл-Кия»⁸.

Условия труда и быта рабочих на каменноугольных копиях были исключительно тяжелыми. Техника разработок, особенно до 1908—1910 гг., была крайне отсталой. Основным «сооружением» являлась так называемая «дудка» — круглый шахтный ствол, напоминающий колодец, от которого расходились в разные стороны длинные кривые норы — штреки. Уголь к шахтному стволу доставлялся вручную, на санках, и поднимался вверх в деревянной баде. В этой же угольной баде спускались вниз люди. Бадея опускалась и поднималась на пеньковом канате при помощи деревянного ворота, приводившегося в движение двумя лошадьми. Над «дудкой» стоял простой сруб⁹. В дальнейшем появились отдельные усовершенствования. Например, на копи Ракитина уголь стали поднимать на поверхность по наклонной штольне, но все тем же конным воротом, под землей уголь стали возить в вагонетках на лошадях¹⁰. В 1910 г. на Сулюктинской копи для подъема угля была поставлена паровая лебедка¹¹. Большим техническим новшеством явилась постройка в 1908 г.

⁴ «Россия», т. XIX, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 176, 542.

⁵ Газета «За уголь» (орган Кызыл-Кийского Городского Комитета КП Киргизии и городского Совета депутатов трудящихся), 1953, 29.VIII; К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края, вып. 2, Горное дело, СПб., 1910, стр. 50.

⁶ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 47.

⁷ Там же, стр. 49.

⁸ Х. М. Мусин, Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии, Труды Пржевальского учительского ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1952, стр. 47.

⁹ Полев. запись № 6, 1954, Архив Ин-та этнографии АН СССР; газ. «За уголь», 1952, 31.VIII; 1953, 28.VIII.

¹⁰ Полев. запись № 6, 1954; см. также К. К. Пален. Указ. раб., стр. 49.

¹¹ С. Р. Конопка, Туркестанский край, Ташкент, 1913, стр. 85.

узкоколейной железной дороги, соединившей копи Фосса с г. Скобелевым; однако с копи Ракитина уголь продолжали доставлять в тот же Скобелев и в г. Старый Маргелан на арбах и фургонах¹².

В целом же техника добычи угля продолжала оставаться на самом низком уровне. Господствовал ручной труд. Основными орудиями, употреблявшимися для добычи угля, были кайло, или обушок (киргизск. чунг или чокуч), ручной коловорот или бурильная штанга (иштанга или парма), кувалда (базган), лом и лопата. Для освещения под землей применялись жестяные лампочки (кара-чырак), в которых горел фитиль из ваты; горючим служили хлопковое масло и даже мазут¹³.

Труд рабочих был постоянно сопряжен с огромной опасностью. Охрана труда отсутствовала. Вентиляция была оборудована плохо. На копи Ракитина рабочие вовсе были лишены медицинской помощи¹⁴. Несчастные случаи, увечья были повседневным явлением. Состояние техники безопасности было таково, что даже царские чиновники вынуждены были отметить: «слишком мало обращается внимания и на опасные места поверхностей отводов... все вообще приспособления на копиях (за исключением двух), как то: подъемные барабаны, шкивы, канаты и вагонетки сделаны кое-как, из дурного материала, плохо пригнаны и представляют большую опасность для рабочих»¹⁵. В результате только за один 1907 г., по преуменьшенным данным официального отчета, на каменноугольных копиях было 10 несчастных случаев. Здесь же красноречиво отмечалось: «О том, как награждены пострадавшие, сведений не найдено...»¹⁶.

Шахтеры подвергались самой жестокой эксплуатации. Изнурительный труд под землей продолжался по 12—14 часов в сутки и более. Один из старейших киргизских шахтеров К. Мусафиров, работавший на шахте Ракитина с 1916 г., рассказывает, что рабочие здесь трудились в две смены по 12 часов в каждой¹⁷. Движимые жаждой наживы, в погоне за дешевой рабочей силой предприниматели стремились максимально обесценить человеческий труд. Заработная плата была особенно нищенской у рабочих местных национальностей и прежде всего у киргизов. По официальным данным, средний заработок рабочих-киргизов составлял 80 копеек в день зимой и до двух рублей в день летом¹⁸. Однако, как рассказывают старые шахтеры, только самые лучшие проходчики и забойщики зарабатывали по 20, редко 30 рублей в месяц; остальные рабочие-киргизы, основную массу которых составляли неквалифицированные рабочие, получали от 10 до 15 рублей в месяц; к этому хозяин давал «прибавку» — 1 рубль в год¹⁹. Этот ничтожный заработок постоянно урезывался штрафами. Кроме того, владельцы копей систематически задерживали заработную плату. 73-летний А. Абдуджапаров рассказывает, что местные жители, работавшие на копи «Джал», не раз безуспешно жаловались на Ракитина, который подолгу не выдавал рабочим их заработок.

Национальный состав рабочих был очень пестрым. Среди них были русские, киргизы, таджики, узбеки, татары, уйгуры, афганцы, персы. Из них постоянными рабочими, как показывают статистические данные, были преимущественно русские.

В 1908 г. на Сулюктинской копи Овсянникова было занято всего 64 рабочих, на Кызыл-кийской копи (Фосса) 55 рабочих, на Джинджиганской (Шотта) — 25, на Джальской (Ракитина) — 15²⁰. В то же вре-

¹² К. К. Пален, Указ. раб., стр. 48, 49.

¹³ Полев. записи № 5, 7, 1950; № 1, 6, 1954; газ. «За уголь», 1953, 7.XI.

¹⁴ Полев. записи № 6, 11, 1954; газ. «За уголь», 1952, 31.VIII.

¹⁵ К. К. Пален. Указ. раб., стр. 50, 192.

¹⁶ Там же, стр. 237.

¹⁷ Полев. запись № 11, 1954.

¹⁸ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 43, 49, 53, 236.

¹⁹ Полев. записи № 1, 11, 1954.

²⁰ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 224—225.

мя при описании предприятий в «Отчете» Палена указывается значительно большее число рабочих: по Сулюктинской копи — 207, по Джальской — 52 и т. д.²¹. Отсюда ясно, что значительная часть шахтеров не принадлежала к контингенту постоянных рабочих. Об этом же свидетельствуют сообщения старых рабочих — киргизов и русских²², рассказывающих, что большинство рабочих-киргизов принадлежало к разряду сезонников. Сезонные рабочие, начиная с августа, приходили из соседних кишлаков на зимнее время и работали до наступления весны; они продолжали сохранять связь с сельским хозяйством. Это были по преимуществу крестьяне-бедняки, которые шли работать на копи, чтобы на заработанные деньги приобрести скот, или безземельные издольщики. Но большая часть сезонников, так и не сумев что-нибудь скопить из своего ничтожного заработка, бросала работу и возвращалась в кишлаки, к своему хозяйству. Наиболее крупная группа таких сезонных рабочих-киргизов отмечена на Сулюктинской копи (107 чел.). На Джальской копи киргизов-рабочих в 1908 г. совсем не числилось; относительно же Джинджиганской копи указывается, что «прежде на копи работали только киргизы, но теперь их осталось только 5 человек, так как они идут на копь неохотно»²³.

Все же накануне Великой Октябрьской социалистической революции по мере ухудшения экономического положения народных масс на работу в шахтах, расположенных в районе современного г. Кызыл-Кия, все чаще нанимались бедняки-дехкане. Их работа тоже имела преимущественно сезонный характер, но часть из них превращалась в постоянных рабочих. Главными «поставщиками» рабочих в этом районе были два небольших кишлака, в том числе кишлак Джал, расположенный рядом с одноименной копью Ракитина. В обоих кишлаках жили родственные группы киргизского населения — каракозу. Каждой из этих групп за эксплуатацию земельных участков владельцы копей платили в год по 200 рублей и по 12 подвод угля. Рядом с кишлаками и на ближайших холмах были расположены богарные посевы пшеницы.

Сезонные рабочие-киргизы жили большей частью дома, в своих кишлаках, очень разбросанно. Отсюда они ходили на работу на копи. Остальные рабочие, среди которых были и киргизы, ютились в сырых землянках, лепившихся на склонах холмов, в жалких глинобитных мазанках и в темном заплесневелом бараке, который построил для своих рабочих Батюшков²⁴. На площади в 252 квадратных аршина здесь ютилось 125 одиночек-шахтеров²⁵. К. Мусафиров, сам живший в землянке, рассказывает: «На земле была набросана солома, на которой вповалку спали рабочие; в тесной землянке жило 5—6 человек; места хватало потому, что работали в разных сменах и спали по очереди. Для выхода дыма в крыше была сделана дыра»²⁶.

Для характеристики бытовых условий того времени следует добавить, что бань для рабочих на копиях не было.

Повседневной пищей шахтеров-киргизов были похлебка из кукрузной муки (атала) и лепешки; их покупали у подрядчика. За другими покупками нужно было отправляться на базары в селения Уч-Курган или Караван. Холостые рабочие питались артельно или столовались у семейных²⁷.

Шахтеры были лишены возможности приобщиться к культуре. Рабочие местных национальностей были почти поголовно неграмотны. В Кызыл-Кия была только одна русская школа, в которой обучались 40 детей

²¹ Там же, стр. 38, 49.

²² Полев. записи № 1, 5, 6, 11, 1954.

²³ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 38.

²⁴ Полев. запись № 11, 1954; газ. «За уголь», 1953, 29.VIII, 16.XII.

²⁵ В. Виткович, Киргизия, М., 1938, стр. 84.

²⁶ Полев. запись № 11, 1954.

²⁷ Полев. записи № 6, 11, 1954.

служащих и более зажиточных родителей. Досуг рабочих нередко заполнялся игрой в карты, пьянками, драками. Представители администрации натравливали друг на друга рабочих разных национальностей, возбуждали межнациональную рознь.

Район Кызыл-Кия был одним из наиболее крупных центров, в которых в первые десятилетия XX в. начал зарождаться киргизский рабочий класс. Хотя процесс этот протекал крайне медленно, имел своеобразный характер и в полной мере развернулся лишь после установления в Киргизии советской власти, в районе Кызыл-Кия сложились существенные предпосылки для формирования национальных кадров рабочего класса. Важнейшей из них были революционные традиции кызыл-кийских горняков, основную массу которых составляли русские рабочие.

Классовая борьба местных рабочих составляет одну из славных страниц истории рабочего движения в Средней Азии. Среди кызыл-кийских шахтеров имелось крепкое революционное ядро, устраивались тайные сходки²⁸. Во время первой русской революции, в 1905 г., в Кызыл-Кия происходили волнения рабочих²⁹. В 1912 г. имело место стихийное выступление кызыл-кийских рабочих, на котором сказалось влияние ленских событий³⁰. Новая забастовка протеста вспыхнула после Февральской революции, когда здесь стало известно о расстреле июльской демонстрации в Петрограде³¹. Еще до Великой Октябрьской революции местные рабочие создали свою профессиональную организацию, которая вошла в союз «Горнорабочий»³².

Когда до Кызыл-Кия дошли вести об Октябрьской революции, горняки, руководимые здесь большевистской организацией, взяли власть в свои руки. Избранный ими шахтный комитет, возглавляемый Л. Г. Солнышко, сыграл важную роль в национализации шахт. Созданный рабочими отряд Красной гвардии под командованием т. Едрёнкина принял участие в разгроме в феврале 1918 г. контрреволюционной «Кокандской автономии». В ноябре 1918 г. на митинге рабочих был организован добровольческий конный отряд, ставший грозной силой против басмаческих банд; дехкане из окрестных кишлаков неоднократно обращались к шахтерам с просьбой защитить их от произвола и насилий басмачей. Шахтерский поселок представлял для басмачей неприступную крепость; он был окружен окопами, в окрестностях постоянно находились дозоры. Порох горняки изготовляли сами. Рабочие, буквально не расставаясь с кайлом и винтовкой, продолжали добывать уголь, в котором так нуждались железные дороги; от успешной работы последних во многом зависела ликвидация контрреволюции в Туркестане. Рука об руку с русскими рабочими воевали и трудились рабочие-киргизы³³.

Таким образом, революционные традиции русского пролетариата уже в предреволюционные годы передавались местным рабочим. В годы гражданской войны, мужественно отстаивая власть Советов, кызыл-кийские шахтеры в то же время укрепляли боевой союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, братскую дружбу русского народа с угнетенными местными национальностями, в том числе и с киргизским народом. Большевистские идеи в среду местного пролетариата и крестьянства несли прежде всего русские рабочие. Эти факторы оказали решаю-

²⁸ Газ. «За уголь», 1953, 29.VIII.

²⁹ Очерки по истории Киргизской ССР, ч. 1 (на правах рукописи). Фрунзе, 1952, стр. 211.

³⁰ Х. М. Мусин, Указ. раб., стр. 52—53.

³¹ В. Виткович, Указ. раб., стр. 44.

³² «25 лет Киргизской ССР», Фрунзе, 1951, стр. 34. Число членов союза на Кызыл-кийских угольных копях не указывается; на Сулюктынских же шахтах в сентябре 1917 г. в союзе состояло 356 рабочих-киргизов.

³³ Характеристика событий периода гражданской войны содержится в полевых записях № 1, 6, 11, 1954, и в газете «За уголь», 1949, 7.XI; 1951, 23.II, 14.III, 21.III, 29.VII; 1952, 9.V; 1953, 29.VIII, 7.XI.

дее влияние на формирование одного из передовых отрядов киргизского промышленного пролетариата — горняцких кадров Кызыл-Кия. Эти кадры начали заметно расти после ликвидации басмачества, примерно с 1922 г., и особенно в восстановительный период. Дальнейший, уже значительно более быстрый рост кадров киргизских шахтеров падает на годы первых пятилеток.

В результате осуществления Коммунистической партией Советского Союза политики социалистической индустриализации страны в Киргизии выросла крупная социалистическая промышленность. На основе полной реконструкции старых каменноугольных копей и строительства новых крупных шахт здесь возникла передовая каменноугольная промышленность, занимающая одно из ведущих мест в тяжелой индустрии Киргизии. Центрами угольной промышленности Киргизии являются Кызыл-Кия, Сулюкта (в Ошской области), Кок-Янгак и Таш-Кумыр (в Джалал-Абадской области). Каменноугольные предприятия Киргизии являются основной топливной базой республик Средней Азии. Киргизию заслуженно называют «среднеазиатской кочегаркой».

Отсталая в прошлом техника постепенно заменялась новой, основанной на широком использовании машин. Если на шахтах № 1 и «Джал» треста «Кызыл-Кияуголь» еще до 1927 г. уголь доставлялся на-гора при помощи ворота, приводимого в движение лошадьми, то в настоящее время эти шахты оснащены самой совершенной техникой, причем процесс обновления техники происходит непрерывно. Внедрена комплексная механизация трудоемких процессов. Полностью механизированы отбойка и транспортировка угля. В шахтах работают врубовые и углепогрузочные машины, электросверла, высокопроизводительные скребковые транспортеры. Откатка угля производится при помощи мощных электровозов. В 1953 г. на шахте 4—4-бис начал работать первый угольный комбайн «Донбасс».

В корне изменились условия труда и быта рабочих-шахтеров. Работая 8 часов в день, шахтеры имеют свободное время для полноценного отдыха, для повышения своего политического и культурного уровня, для общественной деятельности, для воспитания детей. Благодаря росту производительности труда и заботе Советского государства о повышении материального благосостояния трудящихся непрерывно растет заработная плата шахтеров. В соответствии с этим преобразился их производственный и домашний быт³⁴.

Производственный быт шахтеров приспособлен к специфической организации их труда. Многие рабочие, спускаясь в шахту, надевают оставляемый там свой рабочий костюм — «шахтерку». Иногда на шахте оставляется и шахтерский картуз («каска») с лампочкой («головкой», киргизское название «электра-чырак»). В качестве спецобуви шахтеры надевают резиновые сапоги, иногда «чуни» (поверх носков). На шахте «Джал» выстроена хорошая баня-душевая, в которой рабочие моются после каждой смены. Обычно после душа рабочие переодеваются в чистое белье и одежду³⁵.

Отправляясь на работу в утреннюю смену, киргизы-шахтеры часто берут с собой (когда не хотят есть дома) лепешки с топленым или сливочным маслом и флягу (пиляга) с чаем или кипяченой водой. Перед дневной или ночной сменой шахтер чаще всего плотно обедает или ужинает дома, а затем, отдохнув час-два, идет на работу. К услугам рабочих здесь же, на территории шахты «Джал», имеется столовая, которой пользуются преимущественно холостые шахтеры. Специфические условия подземных

³⁴ Объектом наших наблюдений был главным образом быт киргизских шахтеров, работающих на шахте «Джал» или же на других шахтах, но проживающих в поселке Джал. На шахте «Джал» свыше 15% рабочих составляют киргизы. Они составляют основную массу населения поселка.

³⁵ Полев. запись № 6, 1950.

работ легко объясняют широкое распространение среди шахтеров-киргизов, а через них и среди шахтеров-русских жевательного табака (навай), заменяющего обычный табак или папиросы ³⁶.

За последние годы на шахте «Джал», кроме новых душевой и «раскомандировки» (помещения, где перед сменой собираются рабочие), построены здания красного уголка и продовольственного и промтоварного магазина. В строительстве культурно-бытовых учреждений на шахте приняли добровольное участие сами рабочие, не пожалевшие свободного времени для улучшения условий своего труда и быта.

Характеризуя производственный быт шахтеров, следует сказать также о расположенном на шахте медицинском пункте. Он помещается в небольшом деревянном домике. Здесь работают фельдшер, три медсестры и санитарка. Пункт обеспечен необходимыми медикаментами для оказания быстрой и эффективной медицинской помощи. Ведется постоянная профилактическая работа, направленная на предупреждение профессионального заболевания шахтеров — анкилостомоза.

В настоящее время на шахтах треста «Кызыл-Кияуголь», наряду с русскими шахтерами, составляющими основной контингент рабочих, и местными шахтерами-киргизами, работают узбеки, таджики, татары и другие. Рабочие-киргизы составляют около 12% по отношению ко всему количеству рабочих. Почти 60% киргизских шахтеров работают на шахтах от 1 года до 3 лет, свыше 25% — более 5 лет. На шахте «Джал» в 1950 г. почти 10% рабочих-киргизов имели производственный стаж работы в горнодобывающей промышленности свыше 10 лет. Таким образом, можно говорить о наличии весьма значительного ядра кадровых рабочих-киргизов, для которых труд на шахте стал главным делом их жизни.

За годы советских пятилеток выросло поколение потомственных горняков киргизов. Четыре сына Алима Сайпидинова (ему сейчас 65 лет), работавшего на шахте 10 лет, трудятся здесь же: Аваз — навалоотбойщиком на шахте 4—4-бис (с 1933 г.), Суван — забойщиком на шахте № 1 (с 1935 г.), Ороз — лесогоном на шахте 1—1-бис (с 1944 г.), Тойчу — навалоотбойщиком на шахте «Джал» (с 1948 г.). По стопам отца пошли и сыновья Арзыбая Абдуджапарова. Старший — Кайым с 1946 г. работает крепыльщиком, средний — Токтосун после окончания Горного техникума работает горным мастером на руднике Таш-Кумыр, младший — Усен учится в горнопромышленной школе.

Около 55% рабочих-киргизов составляет молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, более 35% — люди среднего возраста (от 30 до 50 лет). 23 рабочих имеют возраст свыше 50 лет ³⁷.

За последние годы сильно выросло число квалифицированных рабочих-киргизов, обслуживающих механизмы. По данным треста, в феврале 1954 г. имелось киргизов: машинистов проходческих машин — 2, машинистов электровозов — 8, электрослесарей — 22, мотористов — 16, переносчиков конвейеров — 2.

Большой интерес представляют данные о месте рождения рабочих-киргизов треста «Кызыл-Кияуголь». Подавляющее большинство их — выходцы из различных районов Ошской области. Первое место в этом отношении занимает Молотовский район (133), на территории которого расположены предприятия треста, далее следуют соседний Янги-Наукатский (79) и Наукатский (60) районы и г. Кызыл-Кия (47). Остальные рабочие по месту их происхождения распределяются следующим образом: Таласская область — 31, Джалал-Абадская — 24, Фрунзенская — 21, Тянь-Шанская — 11, Иссык-Кульская — 11. Имеются среди кызыл-кий-

³⁶ Полев. запись № 6, 1950.

³⁷ Приводимые цифры по состоянию на 10.II 1954 г. получены от Управления трестом «Кызыл-Кияуголь».

ских шахтеров-киргизов и выходцы из соседних областей Узбекской ССР: Андижанской, Ферганской и Самаркандской. Следовательно, главная масса киргизов-шахтеров пришла на работу в г. Кызыл-Кия из кишлаков соседних районов Ошской области. В особенности много выходцев из окрестных кишлаков, например, из кишлаков Джальского сельсовета Молотовского района, из с. Караван Янги-Наукатского района и других. Интересно, что из некоторых кишлаков в г. Кызыл-Кия постепенно стянулись небольшие земляческие группы. В более ранний период часть рабочих-киргизов попала на шахты в порядке вербовки из колхозов; некоторое же число рабочих приходило сюда, повидимому, благодаря земляческим, а отчасти и родственным связям.

Подлинно «золотым фондом» кызыл-кийского отряда киргизского рабочего класса следует назвать группу старейших кадровых рабочих-киргизов. Некоторые из них начали трудиться здесь еще до Великой Октябрьской социалистической революции, другие — в 1920-х или в начале 1930-х годов. За плечами многих из них не только по 20—25 лет труда на шахтах, но и тяжелый труд на баев до поступления на шахту. Почти все они — сыновья издольщиков-чайрикёров и бедняков, начали трудиться с 12—13-летнего возраста. Своей новой профессией первые рабочие-киргизы овладевали с помощью кадровых русских горняков Ф. Е. Волчкова, Навайчука и других. Первыми учителями Асана Арыкбаева (работает на шахте «Джал» с 1931 г.) были Иван Абалаков и Алексей Большаков.

Старые горняки окружены почетом и уважением. Их многолетний труд под землей отмечен правительственными наградами — орденами и медалями, почетными грамотами. В связи с переходом части шахтеров на пенсию за ними закреплены в пожизненное пользование занимаемые ими квартиры в домах, принадлежащих тресту. 33 горняка треста «Кызыл-Кияуголь» своей долголетней и безупречной подземной работой на шахтах заслужили право носить нагрудные знаки «Почетного шахтера» и шитые серебром почетные шахтерские мундиры. Среди них передовые представители киргизского рабочего класса Алтымыш Сатыбалдыев (шахта «Джал»), Абдыкадыр Токтобаев (шахта 1—1-бис) и другие³⁸. Повседневной заботой и вниманием окружают Коммунистическая партия и Советское правительство и всю основную ведущую массу шахтеров. Только по тресту «Кызыл-Кияуголь» за последние пять лет орденами и медалями СССР награждено 1437 горняков³⁹; за те же пять лет кызыл-кийским горнякам выплачено за выслугу лет более 22,5 млн. рублей⁴⁰.

Одной из самых ярких фигур среди кызыл-кийских рабочих является Алтымыш Сатыбалдыев, жизненный путь которого типичен для многих кадровых горняков-киргизов. Он родился в 1900 г. в кишлаке Гереитшорон (Янги-Наукатский район Ошской обл.). Отец Алтымыша до своей смерти работал издольщиком. В 1914 г., когда наступила засуха, а с ней и голод, отец вынужден был отдать 14-летнего Алтымыша в конские пастухи местному богателу Артыкбаю в кишлак Баргы. Бай обязался платить отцу за труд Алтымыша 100 рублей в год. Через два года молодой батрак перешел к другому баю — Масаитбаю в кишлак Шанкол, у которого первые два года работал табунщиком, а затем в течение двух лет — сапожником. После этого Алтымыш батрачил год у Абджалилбая: ухаживал за скотом, пахал землю. Около года работал поденщиком (мардикёр) в Куве: окучивал хлопок, изготавливал глиняные катыши (гу-валак) для кладки стен и т. д. Затем — труд на строительстве железной дороги, возвращение в родной кишлак и снова работа по найму у раз-

³⁸ Газ. «За уголь», 1953, 29.VIII.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

ных баев... Когда умер отец, чтобы похоронить его, пришлось продать лошадь. Бедняк-отец не оставил сыну никакого имущества, кроме полуразвалившейся кибитки.

Из-за своей бедности Алтымыш смог жениться только в 26 лет. В жены он взял девушку из такой же бедной семьи. Оба вступившие в брак были неграмотны и при регистрации брака вместо подписи приложили пальцы. Молодожены поселились в кишлаке Акбаш (Андижанская обл.), где стали работать в качестве издольщиков. Все их «имущество» составляли два чапана Алтымыша, один чапан и одно платье Мастуры, один чугунный кувшин и одна глиняная чашка. Для варки пищи им приходилось занимать посуду у соседей.

В 1927 г. в результате земельно-водной реформы Алтымыш, как и тысячи других безземельных чайрикёров и мардикёров, получил 10 танапов (танап — около $\frac{1}{6}$ га) засеянной земли, конфискованной у бая, и 400 рублей денег. Вместе с другими бывшими батраками и бедняками он вступил в сельскохозяйственную артель «Орнок», а в 1928 г. в числе 16 человек был выделен артелью на работу в угольной промышленности. Алтымыш с настойчивостью стал овладевать новым делом, учась у кадровых кызыл-кийских шахтеров. Сначала он работал грузчиком, потом стал работать забойщиком. В дальнейшем А. Сатыбалдыев освоил специальность крепильщика очистительных и подготовительных работ, навалоотбойщика, а в 1949 г. закончил курсы горных мастеров. В последние годы А. Сатыбалдыев работал бригадиром проходчиков, горным мастером и крепильщиком. В момент нашего знакомства с А. Сатыбалдыевым в 1950 г. его бригада проходчиков состояла из 9 человек. В ней работали 4 киргиза, 2 русских, 2 татарина и 1 казах. Его бригада являлась своеобразной школой передовиков производства. Многие рабочие с благодарностью говорят о своем первом наставнике ⁴¹.

Славный путь прошел А. Сатыбалдыев вместе с молодым киргизским рабочим классом; он был одним из начинателей движения передовиков производства, активно участвовал в распространении передовых методов труда. В 1947 г. он вступил в ряды КПСС. Советское правительство не раз отмечало его заслуги, награждая его орденами и медалями, а в 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Алтымышу Сатыбалдыеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Рабочие Кызыл-Кия и трудящиеся Ошской области неоднократно избирали его депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Областного Совета депутатов трудящихся. С начала 1954 г. А. Сатыбалдыев расстался со своей работой под землей и перешел на пенсию, продолжая заниматься общественной деятельностью. Сейчас г. Сатыбалдыев — депутат Верховного Совета Киргизской ССР; в феврале 1954 г. он был делегатом VII сезда Коммунистической партии Киргизии.

В г. Кызыл-Кия развернута широкая сеть для подготовки горняцких кадров различной квалификации и профиля. Здесь уже 20 лет существует Горный техникум, имеются Горнопромышленное училище и несколько горнопромышленных школ, большое количество рабочих охвачено техническим обучением через учебный комбинат треста.

В числе 49 окончивших Горный техникум в 1949 г. были первые пять киргизов, получивших среднее специальное техническое образование. В последующие годы количество выпускников-киргизов увеличивалось. В 1953 г. среди 52 выпускников было уже 15 киргизов. В том же 1953 г. техникум впервые выпустил 4 киргизов — маркшейдеров. В настоящее время в техникуме обучается 728 человек, в том числе 296 киргизов (из них 6 девушек). Окончившие техникум направляются на работу как на

⁴¹ О верном сыне киргизского народа А. Сатыбалдыеве рассказывается в книге, посвященной жизни и труду 150 лучших людей угольной промышленности СССР («Шахтеры — Герои Социалистического Труда», Углетехиздат, М., 1949, стр. 594—597).

различные предприятия комбината «Средазуголь», так и на шахты Казахской ССР ⁴².

На шахтах треста «Кызыл-Кияуголь» из числа окончивших Горный техникум работают 22 киргиза. Среди них 13 горных мастеров, 2 электрослесаря, 2 десятника, 1 механик участка. Д. Карабаев — инженер по технике безопасности, А. Козубаев — помощник начальника шахты № 6, С. Сулейманов — начальник участка ремонтно-восстановительных работ шахты «Комсомольская», С. Мурзаев — помощник начальника участка шахты № 1—1-бис ⁴³. Все это новые кадры киргизской технической интеллигенции. Характерен жизненный путь этих молодых командиров производства. Так, например, 24-летний Сайдин Сулейманов родился в

Рис. 1. Герой Социалистического Труда А. Сатыбалдыев с семьей

г. Кызыл-Кия в семье чернорабочего кирпичного завода. Окончив в 1945 г. семилетнюю школу, он поступил в Горный техникум, который закончил в 1949 г. В течение нескольких месяцев С. Сулейманов работал горным мастером, затем помощником начальника участка вентиляции шахты «Комсомольская», а вскоре был назначен начальником этого участка. По словам С. Сулейманова, ему очень помог практически овладеть сложной специальностью его помощник, практик Т. К. Неверов. Дружно и слаженно, рука об руку 4 года работали молодой специалист киргиз и опытный русский рабочий. В настоящее время С. Сулейманов руководит новым для него участком ремонтно-восстановительных работ ⁴⁴.

Важным звеном подготовки квалифицированных кадров рабочих и массового технического обучения является учебно-курсовой комбинат. Здесь получили подготовку на шести- и трехмесячных курсах горных мастеров 10 горных мастеров-киргизов, работающих главным образом на шахте «Джал». Один из них — А. Дуванаев — выдвинут в начале 1954 г. на должность помощника начальника участка на этой шахте ⁴⁵. В течение 1953 г. комбинатом подготовлены из числа рабочих-киргизов 3 машиниста шахтных электровозов, 1 машинист преобразовательных установок, 1 взрывник, 2 дорожных мастера. 32 рабочих-киргиза повысили свою квалификацию через производственно-технические курсы и школы передовиков производства.

⁴² Полев. запись № 7, 1954.

⁴³ По данным Отдела руководящих кадров треста «Кызыл-Кияуголь» на февраль 1954 г.

⁴⁴ Полев. запись № 8, 1954.

⁴⁵ По данным Отдела руководящих кадров треста.

Организаторская и воспитательная работа партийной организации, общение с русскими рабочими, учеба на курсах и в школах создают предпосылки для увеличения числа передовиков производства. Достаточно привести несколько примеров, чтобы видеть, каких результатов добиваются киргизские рабочие. Беспартийный рабочий — крепыльщик шахты 4—4-бис К. Исраилов, имеющий 28-летний стаж работы в горнодобывающей промышленности, в 1953 г. выполнил свой план на 128%. Его средний месячный заработок, включая вознаграждение за выслугу лет, составлял 2100 рублей. 25-летний стахановец К. Сулейманов, крепыльщик шахты «Джал», в 1948 г. окончил школу ФЗО. План 1953 г. он выполнил на 133%. За отработанные в этом году дни, не считая оплаты по больничным листам и вознаграждения за выслугу лет, К. Сулейманов получил 17 000 рублей ⁴⁶.

Вместе с развитием каменноугольной промышленности рос и благоустраивался город шахтеров — Кызыл-Кия. Раскинувшийся между невысокими холмами город состоит из нескольких расположенных близко друг от друга частей — поселков. В его центральной части, которую нередко еще продолжают называть «46-й километр», расположены здания городских советских и партийных организаций и большинство культурно-бытовых учреждений. Вплотную к ней примыкает быстро растущая новая часть города («33-й километр»). С противоположной стороны расположены наиболее старые поселки — «Рудник» и «Джал-кишлак» (последний — на месте старого кишлака Джал). По соседству с городом находятся поселок «Зона» и окраинные поселки возле шахт № 1, № 6 и других. В январе 1952 г. рядом с центральной частью города было начато строительство нового благоустроенного поселка, названного «Январским».

Немало сделано и для благоустройства города. Более крупные поселки озеленены, многие улицы покрыты гудроном, основные поселки связаны между собой автобусным сообщением, в ряде пунктов имеются водоразборные колонки. Все же состояние коммунального хозяйства города еще резко отстает от растущих запросов населения. Ощущается острая нехватка в питьевой воде, не приведены в должный порядок улицы окраинных поселков, не хватает электроэнергии для бытовых нужд.

Строительство первых светлых многоквартирных корпусов для шахтеров началось в городе в 1927 г. ⁴⁷. В последующие годы Советское правительство отпускало большие средства на жилищное и культурно-бытовое строительство в г. Кызыл-Кия. В 1952 г. в городе были введены в эксплуатацию 25 жилых домов, здание Горного техникума, три бани. Горняки получили до 2,5 тысяч м² жилой площади ⁴⁸. В течение 1953 г. только за счет треста «Кызыл-Кияуголь» было построено и сдано в эксплуатацию около 1700 м² жилой площади; на ремонт жилого фонда было затрачено 854 тыс. рублей ⁴⁹.

Широко развернулось в городе также индивидуальное жилищное строительство. Сотни горняков с помощью государства построили себе новые дома. Только за годы четвертой, послевоенной пятилетки в городе возведено 300 индивидуальных жилых домов с общей площадью 8000 м² ⁵⁰. В связи с этим следует отметить известную тягу к строительству собственных домов в окраинных поселках, наблюдающуюся среди некоторой части киргизских шахтеров, живущих в многоквартирных домах треста. Основными мотивами, по словам самих шахтеров, является

⁴⁶ По данным Отдела нормирования труда треста «Кызыл-Кияуголь».

⁴⁷ Полев. запись № 6, 1954.

⁴⁸ Газ. «За уголь», 1952, 31.VIII.

⁴⁹ Там же, 1953, 9.XII.

⁵⁰ Там же, 1952, 7.XI.

желание иметь хотя бы небольшой участок земли возле дома под огород или сад, завести корову или мелкий рогатый скот⁵¹.

В настоящее время киргизы-горняки живут в домах, среди которых могут быть выделены три основных типа.

К первому из них относятся многоквартирные жилые дома, принадлежащие тресту (рис. 2). Дома этого типа построены в разное время и различаются по своей планировке и качеству. Более старые дома (их здесь называют «корпусами») имеют от 4 до 10 квартир в каждом.

Рис. 2. Общий вид поселка Джал (часть г. Кызыл-Кия). На переднем плане многоквартирные дома рабочих

В каждой квартире — две комнаты (одна из них используется под кухню) и прихожая. В некоторых корпусах — коридорная система; здесь каждая семья имеет по одной большой комнате площадью до 30 м². В новых, более совершенных домах имеется по 2—4 квартиры (из двухквартирных домов, например, состоит самый молодой в городе Январский поселок). Каждая квартира состоит из двух просторных комнат, ванной и кухни. К квартире пристроена большая терраса. Такие же террасы, но меньших размеров, можно видеть и в старых домах. Иногда они бывают обшиты досками или застеклены.

Ко второму типу относятся дома, построенные в индивидуальном порядке. Застройщики, как правило, получают от государства ссуду в размере от 5 до 10 тысяч рублей, с рассрочкой на 7—10 лет. При постройке индивидуальных домов шахтеры-киргизы придерживаются рекомендованных типовых проектов. Каждый такой дом состоит из двух комнат, в одной из которых расположена плита; она соединена с обогревателем, выходящим в другую комнату. Первая комната, в которой находится плита и готовится пища, носит название «ашкана». В ней в обычное время находится семья, здесь обедают, выполняют различные домашние работы. Вторую комнату называют «катта ўй» (если она большая) или «мейман-кана» (гостиная), иногда «уктай турган ўй» (спальная). Здесь принимают гостей, здесь же спит большинство членов семьи. Площадь этих комнат составляет от 30 до 45 м². Со стороны фасада, обра-

⁵¹ Полев. запись № 10, 1950; № 2, 13, 1954.

щенного во двор, во многих домах пристроена терраса типа айвана, характерная для жилища оседлого населения Средней Азии. В поселке Джал к дому И. Халикова пристроен низкий хлев (малкана), над которым возведено летнее помещение (балакана), своего рода второй этаж. В других случаях хозяйственные постройки размещены во дворе. Здесь же расположена глинобитная печь (тандыр) для выпечки лепешек, установленная на подставке, сколоченной из брусьев и досок (см. рис. 6). Рядом — очаг, на котором летом готовят пищу.

Такие дома возводят из сырцового кирпича, иногда на фундаменте. Стены с обеих сторон имеют глиняную обмазку; внутри дома они всегда побелены. Крыши в большинстве случаев двускатные, покрытые шифером. В каждой комнате имеется по два, а нередко и по три окна. В домах сохраняется такая национальная особенность, как ниши в стенах (такча), используемые для складывания постельных принадлежностей, размещения посуды и т. п. Обычно в первой комнате имеется одна-две ниши, во второй (гостиной) три ниши, расположенные в стене против входа. Потолки, как правило, отделаны фанерой и покрашены, полы — деревянные. Высота комнат не менее 3 м.

Несколько отклоняется от описанного типа построенный трестом дом Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева. Здесь особенности, свойственные новым индивидуальным домам, сочетаются с некоторыми усовершенствованиями, применяемыми при строительстве новых двухквартирных домов. В доме имеются две большие комнаты, корридор, кухня, ванная и застекленная веранда; оборудован водопровод (рис. 3). Ниши в стенах отсутствуют⁵².

Дома третьего типа встречаются преимущественно в районе прежнего кишлака Джал, гораздо реже — в других частях города. В таких же домах до сих пор продолжает жить основная масса киргизов — колхозников соседних районов. Это — крестьянское жилище, полностью сохранившее свой традиционный облик. Новых домов этого типа уже не строят, часть старых домов идет на слом. С каждым годом их становится все меньше, но они еще не потеряли своего значения одного из видов жилья киргизских горняков. Стены этих домов сложены из круглых глиняных катышей (гувалък) или из сырцовых кирпичей; внутри дома сделано много ниш разных размеров. Крыша — земляная, плоская или плоскодвускатная. Полы большей частью также земляные; в некоторых домах более половины помещения занимает глинобитная площадка (сула) высотой до 30—40 см. Встречаются дома, состоящие из двух комнат. Отдельные дома имеют небольшие пристройки в виде террасы, типа айвана. Они служат местом летнего времяпрепровождения членов семьи. Здесь обязательно стоит широкая деревянная кровать-помост (калават или сери) иногда — столик. Для приготовления пищи в стене айвана имеется очаг-камин (моору) общеферганского образца. В помещении устроен такой же очаг с дымоходом в стене, выходящим на крышу, или плита. Во многих домах этого типа сделаны теперь обычные окна, но встречаются еще дома, в которых сохраняются маленькие оконца, расположенные почти под потолком (см. рис. 4).

Национальные особенности быта кызыл-кийских шахтеров-киргизов ярко выступают в убранстве и меблировке жилища. Эти особенности одинаково характерны для жилища и рядового шахтера и инженерно-технического работника. Важнейшие черты убранства киргизского крестьянского жилища, характерные для тех районов Ошской области, в которых уже издавна наблюдается тесное взаимодействие между киргизским и узбекским (а отчасти и таджикским) населением, перенесены без существенных изменений в жилище горняка-киргиза. Предметов.

⁵² Полев. запись № 4. 1950.

представленных в прошлом в юрте киргиза-кочевника, здесь крайне мало, так как киргизское население окружающих г. Кызыл-Кия районов в значительной своей части давно перешло к оседлому быту.

А

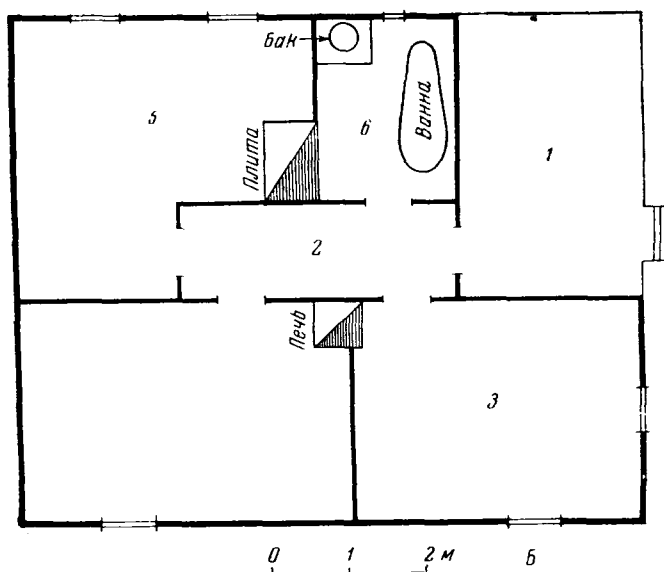

Рис. 3. Новый дом Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева: А — внешний вид; Б — план: 1 — застекленная веранда, 2 — коридор, 3 и 4 — жилые комнаты, 5 — кухня (ашкана), 6 — ванная (морчокана)

В доме обязательно наличествует традиционная стопка постельных принадлежностей (джук), сложенных в нишах противоположной от входа стены. Здесь свернуты одеяла (их бывает до полутора десятков и более), подушки двух типов — длинные (джастык) и небольшие (балыш), длинные узкие мешки для мягких вещей с узорной ковровой лицевой стороной (чавадан), сложенные паласы и т. п. Большим разнообразием отличаются наволочки для подушек, в украшение которых кир-

гизские женщины вкладывают много художественной выдумки. Благодаря этому «джук» имеет очень яркий и красочный вид. Часто джук покоится на небольших деревянных сундуках, обитых жестью, или на чемоданах. Сундуки разных размеров иногда стоят в комнате отдельно. Нередко встречается низкий продолговатый шкаф с раздвижными створками (джаван). Пол застилается паласом, сшитым из узких тканых полос, нередко с узором (таар или шалча). Они изготовлены преимущественно из хлопчатобумажных ниток. В некоторых домах пол застелен войлоком, иногда узорным (алакийиз). На войлок или палас кладут стеганные на вате подстилки (төшөк).

Устойчиво сохраняется и такая традиция народного быта, широко распространенная среди населения Ферганской долины, как размещение различных видов посуды в затейливом порядке на полках в нишах. Большие блюда (чыны-тавак) и тарелки ставятся на ребра прислоненными к стенке. На поставленные в ряд и перевернутые вверх дном большие пиалы (чыны-пиала) ставятся маленькие пиалы или фарфоровые чайники. Здесь же стоят более крупные чайники. Как пиал, так и чайников бывает нередко до десятка. На других полках располагаются глиняные чашки (таш-кәсә), глубокие глиняные блюда (таш-ләгән), эмалированные и алюминиевые миски (тавакча) и другая посуда. В некоторых домах можно видеть по несколько подносов, висящих на стене. Такая «выставка» посуды рассматривается как украшение. Среди утвари встречается немало других предметов местного происхождения, служащих для приготовления плова, лепешек и других видов пищи, для хранения муки, соли, урюка и т. п. В домах пожилых шахтеров почти всегда имеется национальный музыкальный щипковый инструмент (комуз).

Традиционное убранство жилища в той или иной мере сочетается с элементами новой городской культуры, воспринятыми благодаря повседневному общению с русскими рабочими. Во многих квартирах горняков имеются металлические кровати, нередко с сетками, зеркала, часы-ходики, швейные машины. Встречаются столики, табуреты и стулья. Интересна следующая деталь: в нескольких домах столы покрыты кружевной скатертью, а поверх нее — клеенкой, т. е. точно так же, как в квартирах русских рабочих. На окнах обычно имеются белые занавески, дополняемые иногда кружевными занавесками на оконных проемах. В отдельных домах портьеры или занавески висят и на дверях. Из предметов культурного обихода бросаются в глаза радиопропродукторы, патефоны, радиоприемники, книги и т. п. На стенах, в рамках под стеклом, висят семейные фотографии.

Подавляющая масса квартир и домов горняков электрифицирована. Дома отапливаются углем, который бесплатно отпускается и доставляется горнякам в количестве от 300 до 500 кг в месяц.

Своеобразную черту, присущую вообще новым квартирам не только некоторых киргизских рабочих, но и киргизской интеллигенции, можно наблюдать в описанном выше доме А. С. Сатыбалдыева. Это — наличие наряду с комнатой, обставленной современной мебелью, комнаты, в обстановке которой сохраняется традиционный стиль. В первой комнате, кроме двух столов (один из них обеденный) и четырех полумягких стульев, имеется шифоньер и никелированная кровать. Кружевные скатерти, покрывало с подзором на кровати, полоса цветного ситца над кроватью свидетельствуют о желании украсить эту комнату. На стенах — почетные грамоты и фотографии в рамках, плакаты. На окнах — белые полотняные занавески. Во второй комнате из мебели имеется только одна кровать. Все остальное — джук на сундуке, постланный на полу войлок с подстилкой-ковриком, комуз и т. п. — характерно для традиционной обстановки киргизского дома. Гостей и посетителей — русских А. Сатыбалдыев принимает в первой комнате. Здесь же занималась дочь-школьница. Во второй комнате происходят встречи с посетите-

лями и гостями — киргизами. Таким образом, здесь можно видеть особую форму сочетания национальных особенностей с русской городской культурой.

В одежде шахтеров-киргизов преобладают формы, характерные для городского костюма, но часто наряду с ними бытуют предметы традиционной одежды. Так, не только пожилые рабочие, но и некоторые молодые наряду с пальто носят в качестве верхней одежды стеганный на вате халат (чапан) общеферганского типа, на голову надевают тюбетейку «чустского» типа (черную с белой вышивкой). Поверх чапана обычно

Рис. 4. Шахтерское жилище старого типа

опоясываются одним или несколькими цветными платками, иногда шелковыми (шайы чаарчы или белбар). Пожилые рабочие нередко носят также рубаху киргизского покроя и мягкие сапоги без каблука (масты) так называемыми «азиатскими» галошами.

В одежде членов семей шахтеров — женщин и детей — преобладают традиционные формы. По существу обиходный костюм жены шахтера почти не отличается от костюма колхозницы из ближайшего кишлака (рис. 5). Это та же длинная и широкая рубаха-платье, со стоячим или отложным воротником и широкими рукавами, неизменно яркой расцветки, короткая безрукавка (кямзир) с обильно нашитыми на нее у молодых женщин и девушек серебряными или перламутровыми пуговицами, жакет (кәстюм), шаровары, чапан. На голову надевают платки, иногда шелковые косынки с бахромой (оромолчо). Девушки и некоторые молодые женщины заплетают волосы в большое число тонких косичек. Все они носят те или иные украшения, нередко довольно многочисленные: серебряные серьги, браслеты и кольца, ожерелья из стеклянных бус (нәзик), из кораллов (мончок). У большинства женщин обувью служат мягкие сапожки с галошами. Повышение материального благосостояния шахтеров отражается на качестве одежды. Женщины и девушки обязательно имеют шелковые платья, преимущественно из шелка местной выработки (ошского или маргеланского), многие шьют себе пальто из плюша или бархата (бакмал).

Вырабатывается новый тип национальной одежды, сочетающий элементы городского и традиционного киргизского костюма.

Неизмеримо улучшился по сравнению с прошлым пищевой режим рабочих семей. На столе кызыл-кийского шахтера теперь стали обычны-

ми мясные блюда — плов (палов), мясной суп с картофелем, луком и морковью (шорпо), рисовая каша с мясом (шоуля), жареное мясо (куурма), сваренные в воде пельмени (чучвара) и другие. В ходу жареный картофель (иногда с мясом), яичница (куймак), суп с лапшой (ыстыкаш). Нередко в чашку с супом кладут мелко крошенную лепешку. Мясные супы предпочитают есть зимой. Зимой же охотно пьют слабоалкогольный напиток из проса или джугары (бозо). В летнее время в рационе семьи обычными являются фрукты, дыни.

Хлеб покупают редко. Обычно его выпекают сами в виде лепешек (рис. 6). Кроме обыкновенных лепешек, пекут тонкие блины в масле (чаваты), слоеные лепешки (каттама), излюбленное национальное печенье (боорсок). Все эти печеня едят главным образом с чаем. Чая пьют много, преимущественно черного. Кроме лепешек, к чаю подают сахар, конфеты, топленое или сливочное масло.

Продукты покупают или в магазине, или на базаре (в поселке «Рудник» есть свой маленький базарчик). Некоторые семьи, имеющие индивидуальные дома и при них — небольшие участки (от 0,04 до 0,08 га), выращивают собственные овощи и фрукты, пре-

имущественно помидоры и лук, урюк, персики, яблоки, иногда в небольшом количестве виноград. Домашних животных держат немногие; это козы, овцы, коровы. В прошлом желание обеспечить потребности семьи в самом важном продукте — хлебе — обуславливало наличие у многих шахтеров-киргизов небольших богарных посевов пшеницы. Они располагались на свободных городских землях, прилегающих к окраинным поселкам. Эти посевы увеличились в военное время; после войны они резко сократились, но некоторые семьи киргизских шахтеров имеют их и сейчас: сказывается то обстоятельство, что многие рабочие-киргизы в недавнем прошлом были дехканами, колхозниками.

Тесные родственные связи, существующие между многими рабочими семьями и семьями колхозников, поддерживаются путем систематических поездок членов семей рабочих, в частности жен шахтеров, в колхозы и приездов родственников из колхозов в город. Некоторые шахтеры-киргизы проводят в колхозах вместе с семьями летний отпуск. Приезжающим погостить из колхозов родственникам принято делать подарки (женщинам обычно отрез на платье). Некоторые рабочие, имеющие личный скот, иногда передают его на временное содержание своим родственникам-колхозникам.

Поддержанию родственных связей с окружающим сельским населением способствуют браки. Большинство шахтеров женится на девушках из колхозов Молотовского, Янги-Наукатского и Наукатского районов. При этом можно еще заметить тенденцию к сохранению традиционного порядка, согласно которому жену можно было брать лишь из другого родового подразделения.

Большую роль при выборе невесты для молодого шахтера играют

Рис. 5. Жена шахтера Джакына Усманова — Суксур в традиционной одежде

одители; нередко эта роль бывает решающей. Так, А. Сайпидинов сам выбрал жен для четырех своих сыновей. Один из них — Суван сказал: «Пока у отца глаза есть — он выбирает нам жен; если ему нравится девушка, а мне не нравится, все равно я должен подчиниться»⁵³. Основную причину решающей роли родителей и старших родственников в вопросах вступления в брак надо видеть в известной живучести патриархальных традиций, от которых еще не успели освободиться некоторые рабочие

Рис. 6. Выпечка лепешек в хлебной печи „тандыр“

семьи. Подтверждением этого служит такой пример: после смерти первой жены одного из наших информаторов-шахтеров его мать и другие родственники сами договорились относительно брака его с дочерью родной сестры его покойной жены. Он подчинился этому решению, хотя был уже в зрелом возрасте⁵⁴. Этот брак был живым отголоском старого обычая, согласно которому вдовец имел преимущественное право на брак с сестрой или близкой родственницей покойной жены. Совершенно очевидно, что такого рода явления носят временный, преходящий характер, они обречены на постепенное изживание.

В киргизских шахтерских семьях, как правило, осуществляется принцип полного равноправия в имущественных отношениях между членами семьи; нередко хозяйке дома даже принадлежит решающее слово при обсуждении хозяйственных вопросов. Заработанные шахтерами деньги обычно хранятся у их жен или матерей. Поскольку жена ведет хозяйство, она сама расходует деньги, производит необходимые покупки. Только при покупке ценных вещей жены советуются с мужьями. В большинстве семей горняков можно наблюдать подлинно дружеское отношение между мужем и женой. Жены шахтеров-киргизов, в отличие от прежнего, держат себя в семье уверенно, с сознанием своего достоинства.

Одной из ярких черт семейного быта кызыл-кийских горняков являются радушие и гостеприимство. Взаимные посещения соседей, родственников, друзей по работе — обычное в их быту явление. Ни один человек, зашедший в семью шахтера, не будет отпущен, пока его не угостят. Среди друзей Сайдина Сулейманова — горный мастер Геннадий Безродный, механики Мамат Утанов и Владимир Каплин, десятник Миргияз Ханипов (татарин), студент Горного техникума Толчу Акматов и другие. Они

⁵³ Полев. запись № 3, 1954.

⁵⁴ Полев. запись № 2, 1950.

бывают друг у друга, часто вместе посещают кинотеатр, концерты во Дворце культуры, делятся своими знаниями, опытом. Находящийся среди молодых кызыл-кийских горняков особенно заметно ощутит пустившие глубокие корни чувства интернациональной дружбы и товарищества. В этом также сказывается плодотворное влияние русского рабочего класса.

Много внимания и забот уделяется детям. Маленьким детям покупают сладости, игрушки. Следует отметить, что и в рабочих семьях еще держится старая традиция отдавать первого или второго ребенка на воспитание старикам-родителям. Соблюдаются и некоторые другие обычаи, в частности, связанные с рождением ребенка. Так, А. Козубаев устроил по случаю рождения своего сына Джамалетдина угощение, называемое «бешик-той» (его приурочивают к тому моменту, когда ребенка в первый раз кладут в колыбель). Были приглашены родственники и соседи — женщины и мужчины; каждый принес какой-нибудь подарок: тюбетейку, материал на рубашку и т. п.

Интересно, что шахтеры-киргизы отдают своих детей не только в киргизские, но и в русские школы. Сын К. Исраилова, семилетний Муктар, учится в русской неполной средней школе № 1. Вместе с ним учатся еще пять киргизских мальчиков и девочек — дети крепильщика С. Исмаилова, навалоотбойщика Ы. Акбаралиева, инвалида труда М. Сапарова и других. Сын А. Арыкбаева, шестилетний Гюльджигит, сам просит, чтобы его отдали в русскую школу, и отец собирается это сделать.

Молодому поколению шахтеров предоставлены все условия для всестороннего развития их духовных и физических способностей. В г. Кызыл-Кия, кроме названных выше специальных учебных заведений, имеются две средние, три неполные средние и одна начальная школа, в том числе киргизская средняя школа № 2, а также две школы рабочей молодежи⁵⁵. Число учащихся в городе по сравнению с 1940 г. увеличилось в три раза. Прямым следствием этого является растущая образованность рабочих. Среди шахтеров треста «Кызыл-Кияуголь» более 30% имеют семилетнее, среднее и среднее техническое образование⁵⁶.

В городе ведется большая культурно-просветительная работа. Кызыл-кийские шахтеры законно гордятся своим Дворцом культуры (рис. 7). Во Дворце имеются лекционный зал на 150 мест, библиотека с читальным залом, спортивный зал, зрительный зал на 500 мест и фойе, партийная библиотека, детский сектор с библиотекой, технический кабинет, комнаты для духового оркестра, художественной самодеятельности, курсов кройки и шитья, шахматно-шашечный клуб, бильярдная. Рядом с Дворцом находится летний кино-театр на 650 мест, используемый также под концерты и гастрольные спектакли. Над кинотеатром укреплены красные звезды, внутри которых имеются лампочки, крупные звезды — по количеству шахт, мелкие — по количеству участков. Вечером звезды шахт и участков, выполнивших суточный план добычи угля, загораются ярким светом, наглядно демонстрируя успехи передовиков. Кызыл-Кия имеет свой парк и стадион.

При каждой шахте и в общежитиях работают библиотеки. В городе выходят две газеты: «За уголь» (издается с 1922 г.) и «Көмүр учун» (на киргизском языке). Почти каждая шахтерская семья выписывает местную газету, а многие семьи получают республиканские и центральные газеты и журналы. Некоторые рабочие-киргизы выписывают газеты на русском языке, мотивируя это тем, что их «легче читать». Повседневно общаясь с русскими рабочими, киргизы настолько усвоили русскую политическую и производственную терминологию, что воспринимать ее в кир-

⁵⁵ Газ. «За уголь», 1953, 5.XII.

⁵⁶ Газ. «За уголь», 1952, 7.XI.

гизском тексте им труднее. В книжном магазине имеется большой выбор литературы. Книги на киргизском языке покупают главным образом студенты и молодые рабочие. Хорошо расходятся стихи и песни киргизских поэтов. Среди шахтеров ведется большая лекционная работа. Многие киргизские шахтеры-коммунисты занимаются в политшколах и в кружках сети партийного просвещения или повышают свой идейно-политический уровень самостоятельно.

Следует отметить, что г. Кызыл-Кия как крупный экономический и культурный центр играет организующую и ведущую роль в жизни сосед-

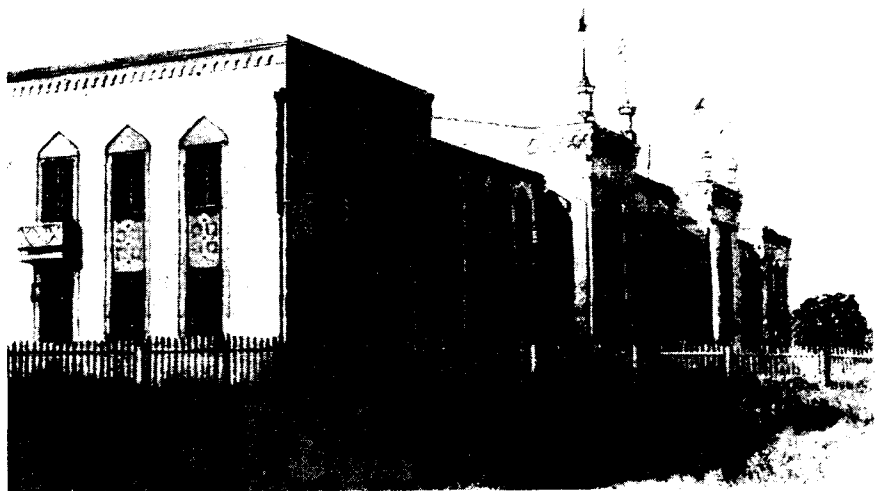

Рис. 7. Дворец культуры профсоюза угольщиков

них районов. Работники Кызыл-Кийского Горкома партии систематически выезжают в районный центр (с. Молотовабад) и в соседние кишлаки Молотовского района для чтения лекций. Коллективы шахт шефствуют над колхозами, оказывая им практическую помощь в выполнении решений партии и правительства о развитии сельского хозяйства. Горняки шахты 4—4-бис, шефствующие над колхозом им. Куйбышева (Янги-Наукатский район), посылают в колхоз бригаду для помощи в сборе хлопка. В механических мастерских шахты по просьбе колхоза были выполнены кузнечные и сварочные работы, изготовлены кровати для детских яслей. Рабочие шахты ремонтировали в колхозе сушилки, конюшни, кошары⁵⁷.

Население города обеспечено квалифицированной медицинской помощью. Кроме шахтных медицинских пунктов, имеются городская объединенная больница и поликлиника, женская и детская консультации, пункт скорой помощи, снабженный автомашиной, и т. п. Шахтеры широко пользуются предоставленной им советской властью возможностью лечиться и отдыхать в санаториях и домах отдыха. Только за 1953 г. 606 шахтеров провели свои отпуска в домах отдыха, на местных и центральных курортах. Почти все путевки для шахтеров — льготные (шахтеры оплачивают лишь 30% их стоимости), значительный их процент — бесплатные. Начальник участка С. Сулейманов побывал в 1950 г. на Рижском взморье, в 1953 г. — на курорте Иссык-ата (возле г. Фрунзе); навалоотбойщик А. Арыкбаев в 1950 г. лечился по льготной путевке в Кисловодске.

⁵⁷ Газ. «За уголь», 1953, 25.XI.

Духовный облик молодого киргизского рабочего класса замечательным образом раскрывается в разносторонней политической и общественной деятельности передовых кызыл-кийских шахтеров-киргизов. Воспитанные одной из старейших организаций Коммунистической партии Киргизии, кызыл-кийские горняки выдвинули из своей среды немало государственных деятелей, партийных работников, видных участников социалистического строительства в республике на различных его участках. Бывший кызыл-кийский шахтер, уроженец с. Кызыл-булак Молотовского района Ошской области Т. Кулатов возглавляет ныне высший орган власти в республике — Президиум Верховного Совета Киргизской ССР. Киргизский народ избрал его одним из своих депутатов в Верховный Совет СССР. Одновременно с ним избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР старейший крепильщик шахты № 4—4-бис К. Исраилов. Избиратели Молотовского избирательного округа единодушно голосовали за К. Исраилова — скромного беспартийного труженика, отдавшего 28 лет своей жизни работе в горнодобывающей промышленности, учителя многих молодых шахтеров. Среди кызыл-кийских шахтеров работает делегат VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, утвердившего в ноябре 1936 г. Советскую Конституцию, — А. Арыкбаев. Он — один из видных общественных деятелей, не раз избиравшийся в руководящие республиканские и местные партийные и советские органы, ныне член Кызыл-Кийского Горкома КП Киргизии. Выше уже говорилось о выдающейся общественной деятельности Героя Социалистического труда А. Сатыбалдыева, которого знают далеко за пределами г. Кызыл-Кия. Старыми общественными работниками являются К. Мусафиров и И. Халиков — депутаты Кызыл-Кийского горсовета. Не отстают от них и молодое поколение горняков. Вместе с воспитанником Горного техникума Э. Масайтовым в аппарате Горкома КПСС работает молодой техник А. Асанов. А. Козубаев в 1950 и 1954 гг. работал членом участковой и окружной избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР, а в 1952 г. выезжал в составе делегации в г. Красноярск для проверки выполнения социалистического договора с коллективом «Хакас-угля». Так славные традиции кызыл-кийских горняков, их высокое сознание своего общественного долга, выработавшееся в совместном труде с русскими рабочими, передаются из поколения в поколение.

На примере кызыл-кийских шахтеров киргизов можно видеть, как складывался киргизский рабочий класс, каких больших успехов он добился. Он вырос и сформировался в условиях советского государственного и общественного строя, в процессе оформления киргизской социалистической нации.

Кызыл-кийский отряд киргизского рабочего класса сложился в сравнительно короткий срок (что имеет весьма существенное значение); он вырос из трудовых масс киргизского крестьянства, в городе, имеющем плотное, относительно давно перешедшее к оседлости киргизское крестьянское окружение. Результатом этого является сохранение в быту кызыл-кийских горняков-киргизов многочисленных традиционных особенностей; однако, их не следует смешивать с отдельными отрицательными пережитками прошлого, которые в силу некоторого отставания сознания людей еще не изжиты полностью в быту известной части семей шахтеров.

Прогрессивные, передовые черты в жизни, в труде, в быту киргизских шахтеров являются результатом неустанной воспитательной и организаторской работы Коммунистической партии, благотворного влияния великого русского народа, русского рабочего класса. Именно это и определяет действительность и светлое будущее кызыл-кийских горняков-киргизов.

**РАБОТЫ КИРГИЗСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ в 1953 г.****Первый год работы Кыргызской комплексной экспедиции**

Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция организована по инициативе Кыргызского филиала АН СССР решением Президиума Академии наук СССР. В организации экспедиции и ее деятельности приняли участие три учреждения: Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт этнографии АН СССР и Институт языка, литературы и истории Кыргызского филиала АН СССР.

Необходимость в организации этой экспедиции очевидна. На территории Кыргызской ССР в течение многих лет велись очень важные и интересные работы как по археологии, так и по этнографии. Работы Кыргызской археологической экспедиции, возглавляемой на протяжении 1940—1949 гг. А. Н. Бернштамом, наглядно показали всю сложность и богатство исторического прошлого Кыргызии, разнообразие и большую ценность имеющихся здесь археологических памятников¹. В свою очередь, не менее интересные и важные по значению работы были осуществлены в Кыргызии и этнографической экспедицией под руководством С. М. Абрамзона.

Вместе с тем стало совершенно очевидным, что вполне назрела необходимость в постановке несравненно более широких по масштабам и целям, комплексных по характеру исследований, в процессе которых должны быть объединены усилия археологов, антропологов и этнографов. Если прежние работы ставили более узкие задачи, то эти комплексные работы должны иметь в своей основе несравненно более далеко идущие цели и перспективы.

Первая такая задача, требующая широко поставленных работ и единого плана деятельности большого коллектива исследователей, это выяснение прошлого кыргызского народа и его происхождения. Широта этой темы и необходимость постановки именно комплексных работ определяются уже тем, что современный кыргызский народ, как и всякая другая, сложился в результате длительного и сложного исторического процесса, а в формировании его участвовали различные этнические компоненты.

Для того чтобы приблизиться к восстановлению конкретной истории формирования кыргызского народа, понять его прошлое, нужно ясно и отчетливо представить этнический состав современного кыргызского народа, ответить на вопрос: что же такое представляют собой в этническом отношении современные кыргызы? Нужно, следовательно, детально разобраться в родоплеменном составе кыргызов, монографически описать составные части кыргызского народа, выяснить их расселение, их историю, поскольку это возможно на этнографическом и историческом материале.

Тема о родоплеменном составе кыргызского народа и его происхождении связана и с другой важнейшей, но вполне самостоятельной темой о культуре кыргызского народа. Совершенно очевидно, что важнейшим вкладом в изучение народов Средней Азии и народов Советского Союза в целом явилась бы обобщающая работа или, по крайней мере, серия частных исследований, охватывающих как духовную культуру кыргызского народа во всех ее проявлениях, так и материальную, которой посвящен уже, в частности, содержательный очерк С. М. Абрамзона. Такого рода работы были бы надежным фундаментом для разрешения больших исторических проблем, в первую очередь — проблемы происхождения кыргызского народа.

О важности археологических исследований на территории Кыргызии не приходится много говорить — она и так очевидна. Археологические исследования, в сочетании со свидетельствами письменных источников, должны дать то, в чем нуждаются языковеды, этнографы и антропологи: ту конкретно-историческую канву, на которую они должны проецировать свои факты; ту реальную историческую основу, которая определила облик современного кыргызского народа, его физический тип и его культуру. Независимо от того, насколько велик в составе кыргызского народа удельный вес этнических элементов центральноазиатского происхождения, нельзя не иметь в виду, что эти элементы, несомненно, издавна находились в разнообразных и тесных отношениях с коренным населением или, вернее, с теми, кого они встретили на этой территории. Современный кыргызский народ по праву является наследником и полным хозяином всего культурного наследия, ему одинаково близки и дороги все памятники былых культур на территории Кыргызии.

Уже из этого краткого перечня основных задач комплексного историко-археологического, этнографического и антропологического изучения Кыргызии ясны значение, а вместе с тем и огромные масштабы работ, которые надлежит здесь осуществить; очевидна вся их сложность, а вместе с тем и тот факт, что исследования такого рода должны быть рассчитаны не на какой-то сравнительно небольшой отрезок времени, а на весьма длительное время, во всяком случае измеряющееся не годами, а десятилетиями. Само собой разумеется, что определенные конкретные задачи общего большого плана должны быть реализованы в точно определенные сроки, что должен быть наме-

¹ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М.—Л., 1952, стр. 12.

чен конкретный план таких мероприятий в виде выпуска трудов экспедиции и монографий.

Что же, конкретно, было сделано для реализации этих общих больших задач в истекшем 1953 г.?

В 1953 г. на территории Киргизской АССР работал ряд археологических отрядов экспедиции. Первый из них, работавший под руководством автора этих строк, имел своей задачей осуществление рекогносцировочных исследований для поисков следов каменного века и вообще памятников, предшествующих зрелой культуре бронзового века. Как известно, до сих пор таких памятников в Киргизии, если не считать отдельных, недостаточно ясных и неопубликованных находок, не было обнаружено.

В 1953 г. отряд произвел обследование на ряде участков долины р. Чу вблизи г. Фрунзе, Токмака и далее, по направлению к Бомскому ущелью. Затем было обследовано несколько пунктов в районе оз. Иссык-Куль и совершена поездка на Тянь-Шань, по направлению к Нарыну. Особым рейсом были охвачены места по р. Сарыджаз, где находится широко известная пещера Ак-Чункур (Ак-Юнкюр). Кроме того, имела место и поездка в район Таласа.

Наиболее важным результатом этих работ является открытие на Тянь-Шане, на р. Он-Арча (приток Нарына), первого раннепалеолитического местонахождения Средней Азии, где вещи лежат *in situ*, в древних галечниках. Обнаружены также и более поздние памятники, опять-таки первые для Киргизии следы деятельности человека, широко пользовавшегося камнем для изготовления орудий труда. Большая часть их, повидимому, относится к эпохе ранней бронзы.

Второй отряд, работавший под руководством А. К. Кибирова, изучал памятники кочевого населения Тянь-Шаня. Здесь исследовались погребения усуньского времени, а также многочисленные погребения кочевников средневековой эпохи, в том числе свидетельствующие о связях местных племен с центральноазиатскими и южносибирскими племенами.

Очень интересны результаты исследования в Баласагуне, где ранее были произведены работы А. Н. Бернштамом, открывшим сооружения киданьского времени. Л. Р. Кызласовым были исследованы в 1953 г. остатки замечательного архитектурного памятника VIII—IX вв. н. э. Как показали его раскопки, этот памятник является новым свидетельством важной роли в истории Киргизии так называемой согдийской колонизации, когда здесь появились пионеры земледелия и носители высокой культуры земледельческих народов Средней Азии. Были обнаружены превосходно сохранившиеся остатки буддийского храма VIII в. н. э., богато украшенного росписью и скульптурой. Архитектурные черты храма, черты росписей и скульптуры сближают его как с памятниками Согда, в первую очередь с храмами древнего Пянджикента, так и с пещерными храмами Восточного Туркестана. Раскопки Баласагунского храма дали богатый материал также и для понимания уровня развития производительных сил и хозяйства того времени, в первую очередь земледелия. Земледелие как основное занятие строителей храма — согдийцев наглядно представлено обнаруженными в здании и использованными в качестве строительных деталей крупными жерновами, которые, судя по их размерам, должны были приводиться в движение силой воды или животными. Еще интереснее целый деревянный плуг, древнейший из найденных в Средней Азии, который был вложен в угол стены для более прочного скрепления ее.

Не менее выразительный и богатый материал дали раскопки памятника и для характеристики образа жизни и культуры тех тюркоязычных кочевников, которые спустя столетие поселились внутри его стен со своими очагами для котлов и бочкообразными ямами для хранения мяса. Ясно видно и то, как эти кочевники постепенно оседают на землю и превращаются в земледельцев. В их жилищах-землянках появляются ручные зернотерки, железные серпы и мотыги.

Из числа наиболее важных археологических открытий экспедиции следует упомянуть замечательное поселение у с. Сретенка, где особый отряд экспедиции во главе с П. Н. Кожемяко при моем участии исследовал остатки трех зданий, существовавших в течение длительного времени и по крайней мере дважды перестраивавшихся. Одно из этих зданий (№ 1) во втором периоде его существования имело обширные размеры и делилось на три параллельных ряда комнат, располагавшихся по странам света, с юга на север. На полу некоторых комнат еще уцелела роскошная облицовка, своего рода декоративный ковер из разноцветных изразцовых плиток, не уступавший по орнаментальному богатству лучшим среднеазиатским образцам такого рода убранства.

Особенностью здания, помимо мозаичного пола, являются остатки резной терракотовой облицовки архитектурных деталей, выполненной с изумительной тонкостью и совершенством. Орнамент на терракотовых плитках геометрический и растительный. Геометрический орнамент представлен в виде рельефных треугольников, углубленных кружков, ромбов, многогранников, сложных плетенок и дугообразных фигур. Растительный узор состоит преимущественно из стилизованных листьев с причудливыми завитками вдоль краев.

Внутри здания найдены два массивных цилиндра высотой около 40 см каждый, вылитых из золотистой бронзы. Оба цилиндра представляют собой уникальные произведения искусства средневековой Средней Азии. Они сплошь покрыты тончайшим орнаментом, в том числе орнаментализованными поясами арабских надписей, выполненными

гравировкой. Совершенно необычным украшением этих цилиндров являются выпуклые фигурки львов, как бы идущих в процессии поперек цилиндра. Эти скульптурные изображения по манере, в которой они выполнены, напоминают лучшие образцы искусства литейщиков Средней Азии XI—XIII вв. и являются шедеврами в своем роде. Вместе с ними найдены тонкие образцы художественного стекла, бронзовые художественно украшенные бляшки и пластины с фигурной арабской вязью, служившие, очевидно, украшением каких-то архитектурных деталей. В здании обнаружены также многочисленные изделия из железа, в том числе сосуд и различные другие предметы.

Не менее замечательны предметы, найденные в здании № 2: медная литая бляшка с изображением животных, символизирующих двенадцатигодичный календарный цикл, украшение из белого восточнотуркестанского нефрита, а также фрагменты лепной глиняной головы китайского дракона, служившей архитектурной деталью. Там же обнаружены типично китайские по технике и форме кровельные черепицы. Все это дает право датировать поздний период существования поселения тем временем, когда в Семиречье жили пришельцы из далекого Северного Китая — кидани или, иначе, кара-китаи, принесшие сюда элементы усвоенной ими на их родине китайской культуры. В это время здесь находилось, очевидно, какое-то кара-китайское поселение, может быть, ставка одного из их феодальных властителей, если не самого правителя — гурхана.

Важные для истории средневековой Киргизии работы были начаты и на юге Киргизии, где работал отряд под руководством Н. Н. Забелиной.

Не менее успешно работали в 1953 г. этнографы и антропологи, собравшие обширный и весьма ценный материал, который уже сейчас разъясняет многие вопросы истории киргизского народа и позволяет существенно уточнить представления о процессе его формирования.

Кроме археологов, этнографов и антропологов, в экспедиции 1953 г. приняли участие фольклористы и языковеды, направленные Киргизским филиалом АН СССР.

Особенно важно, что в 1953 г. на территории Киргизии впервые были осуществлены широкие по масштабу антропологические исследования, дополняющие и подтверждающие общие выводы, к которым в результате работ 1953 г. пришли этнографы и отчасти археологи (в первую очередь, по линии уточнения и конкретизации связей киргизов с народами Центральной Азии и Южной Сибири). Результаты этих работ подробно освещаются ниже, в сообщениях С. М. Абрамзона, Я. Р. Винникова и Г. Ф. Дебеца.

Из сказанного видно, что работы 1953 г. оправдали связанные с ними ожидания и открыли широкие перспективы для дальнейших работ 1954 г. Нужно полагать, что работы 1954 г. принесут экспедиции новые интересные открытия и, несомненно, будут дальнейшей важной ступенью на пути к достижению тех больших целей, которые поставлены перед коллективом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

А. Окладников

Полевые этнографические исследования в Киргизской ССР в 1953 г.

Задачей этнографического отряда, работавшего в 1953 г. в северной части Киргизской ССР, является проведение исследований по этнографии Киргизии, способствующих решению основных проблем, стоящих перед экспедицией в целом¹. Соответственно этому надлежит провести широкое историко-этнографическое изучение важнейших территориальных (совпадающих отчасти с ранее существовавшими племенными) групп киргизского населения, что даст материал для решения вопроса о путях формирования культуры киргизского народа. В течение трех лет этнографам предстоит обследовать киргизское население всех областей республики и произвести сбор материалов по следующим вопросам: этнический и родоплеменной состав киргизской народности в прошлом, материальное производство и материальная культура, народные обычаи и обряды, народное изобразительное искусство.

Первый этап протекал с 12 июня по 20 июля в с. Дархан Покровского района Иссык-Кульской области. Здесь продолжалось начатое в 1952 г. монографическое изучение культуры и быта колхозников сельскохозяйственной артели им. К. Е. Ворошилова. Эта работа, носящая стационарный характер, имеет большое значение и для дальнейшего маршрутного обследования Прииссыккулья, поскольку составной ее частью, наряду с изучением современности, является углубленное исследование истории местного населения, старинных форм материальной культуры, народных обычаев и т. п.

Второй этап работы включал маршрутное обследование населения Иссык-Кульской области. Были посещены восемь (из 9) районов области. Третий этап составило частичное обследование населения Тянь-Шаньской области. Здесь отряд побывал в Кочкорском и Чолпонском районах, а также на высокогорных пастбищах вокруг озера Сон-Куль. За время маршрутной поездки, продолжавшейся около 70 дней, отря-

¹ В 1953 г. в состав отряда входили три научных сотрудника (С. М. Абрамзон — начальник отряда, Е. И. Махова и Г. П. Васильева), два лаборанта (З. Белекова и К. Ишембаев), аспирант М. Айтбаев, художник Г. А. Позин и кинооператор Д. В. Бородин.

дом и отдельными его сотрудниками было посещено более 50 населенных пунктов, в том числе до 10 айлов колхозных животноводов на пастбищах Прииссыккулья и Тянь-Шаня.

В результате маршрутных поездок были собраны обширные, хорошо документированные этнографические материалы, характеризующие большой комплекс историко-культурных явлений. Эти материалы заполняют весьма существенные пробелы в литературе по этнографии Киргизии, особенно ощутимые в области материальной культуры, изобразительного искусства и других. Кроме того, что особенно важно в свете задач экспедиции в целом, собраны ценные данные, проливающие свет на некоторые вопросы, связанные с происхождением и формированием отдельных территориально-племенных групп, вошедших в состав киргизского народа. Вместе с материалами ряда этнографических экспедиций, осуществлявшихся в послевоенные годы Киргизским филиалом и Институтом этнографии АН СССР, начатые в 1953 г. исследования закладывают основу для создания в будущем фундаментального труда по этнографии Киргизии. Необходимо подчеркнуть, что такое широкое историко-этнографическое обследование киргизского населения всех областей республики коллективом специалистов-этнографов предпринимается впервые. Методика исследования (сквозное обследование с охватом всех основных территориальных групп, комплексный подход при сборе и разработке материалов, сочетание всех видов этнографических источников) дает возможность собрать однотипный и, следовательно, сравнимый материал, позволяет увязать в единое целое все линии связей как между различными, так и между близкими по происхождению, но территориально разобщенными группами киргизского населения.

В результате проведенных отрядом в 1953 г. исследований выяснен родоплеменный состав территориальных групп киргизского населения, известных под названиями бугу, саяк и сарыбагыш (последние две группы обследованы еще неполностью), а частично и некоторых других. Группа бугу локализуется в основном на территории Прииссыккулья, группа Сарыбагыш — в Кочкорской долине и отчасти в долине р. Нарына (Тянь-Шаньская область), а также на территории восточных районов Фрунзенской области, группа саяк — преимущественно на Тянь-Шане и в Прииссыкулье. Детально изучалось расселение всех подразделений этих групп, что имеет немаловажное значение для уяснения истории их формирования.

Сложность этнического состава названных (как и других) групп киргизского населения, их пестрота и смешанность, являющиеся результатом зачастую еще сравнительно недавно протекавших процессов этногенеза, привели в свое время таких крупных исследователей, как В. В. Радлов и Н. А. Аристов, к ошибочным выводам о наличии у киргизов особого звена родоплеменной структуры, аналогичного алтайскому союзу. В действительности же среди киргизов мы подобного звена не находим. Широкое расселение в прошлом на значительной территории некоторых одноименных племенных групп является следствием имевших место социально-политических событий, передвижений, схождений и расхождений различных групп и т. д. Например, в составе кыдык — одного из основных подразделений группы бугу — мы находим мелкие группы самого различного происхождения: кылчак, кутчу, тынымсент, катаган и другие. Наличие в составе ряда территориальных групп мелких включений иноплеменного происхождения из среды монголов, черик, кутчу и других вовсе не свидетельствует о существовании союзов монголов, черик и т. д., но служит лишь подтверждением большой подвижности этнических групп, опровергая националистические байско-макиские вымыслы о «чистоте» основныхлагаемых киргизской народности. В связи со сказанным для Прииссыккулья должны быть отмечены этнические связи с южнокиргизскими территориально-племенными группами, с одной стороны, и с группами, проживающими в долине р. Таласа, — с другой.

Добытые отрядом материалы позволяют восстановить в основных чертах этническую историю населения посещенных районов на протяжении последних 150—200 лет. В некоторых случаях оказалось возможным уловить данные и о более раннем периоде этнической истории, вплоть до XVI—XVII вв. В этих материалах содержатся данные о широких этнических связях киргизов с казахскими, узбекскими и ойратскими племенами. В памяти стариков отложились и события относительно далекого прошлого. Так, в предании о происхождении группы джетиген (Куланакский район Тянь-Шаньской области) фигурируют как Эдиге, так и Токтомышкан (Тохтамыш) и Баракан (Боракхан), что указывает на связь этого предания с событиями первой трети XV в., захватывавшими и Моголистан. Любопытно, что в предании упоминается и жестокая эпидемия, охватившая страну (известно, что в Дешт-и-Кыпчаке в 1428—1430 гг. свирепствовала чума). В одной из распространенных легенд о предках фигурирует пришелец, ханский сын Даир, отправившийся затем к казахам и ставший родоначальником казахской группы джалаир (по другому варианту — албан). Это имя вполне увязывается с исторической личностью — казахским ханом Тахиром, стоявшим в течение некоторого времени, в 20-х годах XVI в., во главе моголистанских киргизов.

Ряд показаний в преданиях и легендах уходит в XVII в. Наиболее ярким из них следует считать рассказ о походе киргизов на запад во главе с Кудаяном; этот поход рассказчики связывают с голодным временем, когда, как говорит пословица, «казахи доили березу, а киргизы ушли в Гисар и Куляб» («казахи кайын саап, кыргыз, ысар-көлбөк кетти»). Как известно, крупное передвижение киргизов в Гисар произошло в 1635—1636 гг.

Сейчас еще преждевременно делать какие-либо широкие выводы и заключения, но все же предварительный анализ собранных данных позволяет утверждать, что в них получили отражение по крайней мере три крупных этапа этнической истории территориально-племенных групп, вошедших в состав киргизской народности.

1. Период, который можно датировать VI—XII вв., когда явственно выступают связи с Алтаем, Восточным Туркестаном, кара-китаями. Следы этого периода являются имеющиеся в составе киргизов этнические группы алтайского происхождения — дөбдөс и мундуз, группа кыпчак, по некоторым данным генетически не связанная с кыпчаками, вошедшими в состав узбеков, предание о предке Долон-бие и его трех сыновьях, ушедших в Западный Китай и давших там начало народу үч-долон (весьма ценное указание на связь с живущими в Синьцзяне долонами), наличие в Таласе, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане и в других местах групп кытай, которые окружающее население еще до сих пор в шутку называет «кара-кытай».

Следует заметить, что связь ферганских и прииссыккульских мундузов и дөбдөсов с алтайскими подтверждается наличием общих названий родовых групп (коткор-мундузы у первых и кочкор-мундузы у вторых, чулум у иссыккульских дөбдөсов, чулум-мундуз у алтайцев и т. д.).

2. Период, который можно датировать XIII—XVI вв., когда в процесс киргизского этногенеза более интенсивно включаются монгольские и другие центральноазиатские элементы и когда процесс формирования основных киргизских племен вступает в полосу своего завершения. К этому периоду можно отнести включение в состав формирующейся киргизской народности групп найман, баарын (ср. узбекск. багрин или бехрин), керент, конгурат, кайдуулат и др.

3. Период, который можно датировать XVII—XIX вв., — время многократных передвижений, схождения и расхождения различных племенных групп, время окончательного сложения киргизских племен в их более позднем облике с характерной для них этнической пестротой, время максимального развития возникшей ранее новой этнической общности — киргизской народности.

Ближайшее отношение к сказанному выше имеет весьма характерное явление, заключающееся в отчетливом представлении о круге более древних и круге более поздних киргизских племен. При этом в качестве более ранних выступают племена, появившиеся в Средней Азии в предмонгольское и послемонгольское время.

Большую роль в формировании новых этнических образований играли упомянутые передвижения различных групп. Передвижения в подавляющем большинстве случаев были обусловлены социально-политическими обстоятельствами: рост численности населения, раздоры и столкновения между феодальными верхами, возглавлявшими различные группы, насильственное переселение подвластных групп феодалами и, с другой стороны, вызвавший притеснениями со стороны последних организованный переход некоторых групп на новые территории, стремление близких по происхождению, но территориально разобщенных групп к соединению друг с другом, и т. и.

Немаловажную роль в переселениях больших племенных групп киргизов играли нападения на них со стороны главным образом ойратских (калмыцких) феодалов.

Примененные отрядом методы во многих случаях позволили довольно детально восстановить пути передвижения различных групп, что имеет существенное значение для понимания происходивших этнических процессов. Важное значение имеет ряд показаний, свидетельствующих о распространении в прошлом киргизских кочевий далеко на восток, вплоть до р. Кунгеса и Джылдыза (Большие и Малые Юлдузы). Использование киргизами отдаленных пастбищ на Кунгесе и в Джылдызе в более поздний период было, повидимому, связано не только с высокими кормовыми качествами этих пастбищ — определенную роль играли и наличие древних традиций, воспоминаний о некогда освоенной киргизами территории. И действительно, некоторые информаторы, ссылаясь на рассказы своих отцов и дедов, утверждали, что до того, как киргизы поселились в ферганско-алайских горах, они пришли с Джылдыза. Очень большое значение имеют и собранные отрядом многочисленные сведения об этническом составе и расселении основных киргизских групп на территории соседнего Синьцзяна. Эти сведения дают возможность отметить несколько существенных обстоятельств: 1) известная часть населения Синьцзяна, ныне ведущая оседлый образ жизни и говорящая на уйгурском языке, сохраняет воспоминание о своем киргизском происхождении; 2) ареал распространения киргизских племен в Синьцзяне весьма велик, доходя до Тибета и Кашмира; 3) среди киргизских племен Синьцзяна встречаются значительные группы племен алтайского круга (дөбдөс, мундуз).

Совокупность собранных этнографических материалов, рассматриваемых с учетом имеющихся исторических данных, позволяет высказать некоторые предварительные соображения о характере имевших место процессов киргизского этногенеза: 1) процесс формирования киргизских племен в их более позднем облике протекал на территории как западного, так и восточного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с прилегающими к ним горными странами; здесь же произошло и окончательное сложение этих племен в киргизскую народность; 2) наряду с племенами, издавна жившими на указанной территории, в процессе исторического развития киргизской народности, весьма большую роль сыграли и пришлые тюркоязычные (часть из них, возможно, ранее была монголоязычной) племена южносибирского и центральноазиатского происхождения; 3) весьма интенсивное передвижение различных племен на Тянь-Шань и в Памиро-Алай происхо-

дило через Джунгарию в предмонгольское и послемонгольское время; 4) важнейшее значение в развитии процессов этногенеза играли как крупные по своим размерам, так и локальные передвижения различных территориально-племенных групп — передвижения, в основе которых лежали преимущественно социально-политические причины.

Полученные данные вполне убедительно и согласованно повествуют о весьма важном в далеком прошлом значении охоты в хозяйственной жизни населения. Совокупность ряда этнографических данных позволяет рассматривать Иссык-Кульскую котловину в качестве одного из наиболее ранних очагов киргизского земледелия.

Отрядом всесторонне изучались материальное производство и материальная культура. Собранные материалы, относящиеся к XIX, а частично и к концу XVIII в., охватывают следующие темы: 1) земледелие, 2) скотоводство, 3) охота, 4) домашние производства (обработка дерева, художественная обработка металлов, изготовление кожаной посуды и т. п.), 5) жилище, 6) одежда, головные уборы и украшения, 7) пища и утварь, 8) прикладное искусство (войлочные ковры, узорное плетение и ткачество, вышивки); особое внимание уделялось анализу орнамента и записи связанной с ним терминологии. Материал по прикладному искусству сулит в будущем немаловажные выводы.

Хотя в этнографическом отношении население обследованных районов обладает рядом своеобразных особенностей, однако существенных различий, например, в материальной культуре обследованных групп, пока не отмечено. Это свидетельствует, несомненно, о давно развивавшемся процессе этнической консолидации киргизских племен и о самобытной основе культуры киргизской народности.

Записи по народным обычаям и обрядам включают описание свадебных и погребальных обрядов, терминологию родства, рассказы о существовавших в прошлом святынях (мазарах), обрядах жертвоприношения, праздниках, народном календаре и т. п. Большой интерес представляют записанные легенды тотемистического цикла. Отряд побывал на родине широко известного в свое время народного астролога и метеоролога Манаке Аймапбаева (с. Тепке Тюпского района Иссык-Кульской области), умершего в 1908 г. Полученные о нем сведения рисуют его как незаурядного человека, сумевшего обобщить народные знания и применять их в повседневной трудовой жизни скотоводов и земледельцев.

Особо следует остановиться на проделанной отрядом работе (к сожалению, очень не продолжительной) по ознакомлению с бытом группы выходцев из округа Аксы (Синьцзянь), проживающей ныне в Чолпонском районе. Собранные здесь материалы дают представление о бытовом укладе, ряде обычаев, о некоторых важных элементах материальной культуры зарубежной территориальной группы черик.

Для Прииссыккулья чрезвычайно важно отметить повсеместное и плодотворное влияние культуры великого русского народа на земледельческий быт, материальную и духовную культуру киргизского населения. Вместе с тем в отношении материальной культуры должны быть подчеркнуты несомненные связи с Синьцзяном, а также с соседними районами Казахстана.

В процессе работы отряда производилась подробная фиксация изучаемых объектов. Выполнено 168 листов рисунков, характеризующих старинные сельскохозяйственные орудия, сбрую и средства передвижения, домашние производства (инструментарий, станки, изделия), жилище и старую утварь, национальную одежду и головные уборы, вышивку на одежде и предметах убранства юрты, орнамент войлочных ковров и тканей, резьбу по дереву и т. п. Сделано около 2000 фотоснимков. Ряд этнографических сюжетов заснят на киноленту.

С. Абрамзон

Полевые этнографические работы 1953 года в Южной Киргизии

Южнокиргизский этнографический отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции имел задачу собрать и изучить статистические и этнографические материалы для составления: 1) карты расселения родоплеменных групп до революции и 2) этнической карты современного расселения народов и этнографических групп Киргизской ССР. По плану 1953 г. полевые работы были рассчитаны на полтора месяца.

За время полевых работ по сплошному историко-этнографическому обследованию отряд собрал большой однородный и, следовательно, сравнимый статистический и этнографический материал по всем 10 районам Джалал-Абадской и по пяти восточным районам (Карасуйскому, Куршабскому, Узгенскому, Мирза-Акинскому и Советскому) Ошской области Киргизской ССР. Кроме того, было изучено родоплеменное деление и дореволюционное расселение киргизов на современной территории Ворошиловского и Аимского районов Андижанской области Узбекской ССР.

Весь собранный в полевой период 1953 г. уже предварительно изученный и обработанный этностатистический, этнографический и фольклорный материал о происхождении, родоплеменном делении и истории передвижения киргизов в сопоставлении с имеющимися в литературе историческими сведениями о народах, населявших в разные исторические периоды территорию современных районов Джалал-Абадской и Ошской областей, позволяет, во-первых, выявить некоторые этнические группы, участвовавшие в процессе сложения киргизского народа. Следы этого участия до некоторой степени

выявляются и в наименованиях племен и родов, в тамгах, в ряде традиционных элементов, свойственных отдельным родоплеменным группам киргизов. Во-вторых, представляется возможным составить отдельные таблицы структуры родовых подразделений по каждой племенной группе, обитавшей в дореволюционный период только на территории современной Джалал-Абадской и восточной части Ошской области: а) правого крыла — «он»: багыш, саяк, мунгуш, адыгене, джедыгер, сарыбагыш, монгол; б) левого крыла — «сол»: басыз, барын, чоңбагыш, ктай, мундуз, кутчу; в) частично — родоплеменных группировок, входивших в отдел ичкиликов. В-третьих, полученные данные позволяют составить карту родоплеменного расселения киргизов в дореволюционное время. Эта карта, как и таблицы родоплеменной структуры киргизов, восстановленные нами путем перекрестного опроса ряда информаторов, еще четко сохраняющих в памяти сложную систему генеалогических и родоплеменных связей, даст возможность не только наглядно представить картину расселения киргизов в прошлом, но и позволит высказать некоторые соображения по отдельным группам, вошедшим в состав современного киргизского народа. Наконец, в-четвертых, полученные данные дают возможность составить этническую карту, характеризующую современное расселение национальных и этнографических групп по каждому населенному пункту, колхозу, сельсовету и району Джалал-Абадской и восточной части Ошской области.

Историко-этнографический анализ сложной структуры родоплеменных групп, связанных обычно общей генеалогией, а также пестрой и смешанной картины их дореволюционного расселения дает возможность вскрыть некоторые важные события, связанные с процессом формирования киргизского народа. В его состав, как известно, вошли уже упоминавшиеся племенные группы. В состав некоторых из них, как, например, адыгене, входили и мелкие этнические элементы некиргизского происхождения. В качестве примера следует назвать подразделения джору, тенгизбай; в состав племен багыш и мунгуш вошли подразделения монгол, калмык. Происхождение подразделения джору, как сообщают информаторы, связывается с именем Жолжаксы (раба Адыгене). Подразделение же тенгизбай связывается с именем захваченного в плен Койчу Карасатым. Оба они монгольского происхождения.

Подразделение монгол (мопол) зарегистрировано нами в Ала-Букинском районе Джалал-Абадской области в составе племенной группировки багыш, а также в Мирза-Акинском районе Ошской области в составе племенной группы мунгуш. Подразделение монгол (монголдор) встречается и среди сарыбагышей, локализованных в Северной Киргизии. Народные легенды связывают его происхождение с Нааль — сестрой Тагай, Адыгене и Мунгуша. Отцом Монгола якобы был раб Адыгене, монгольского происхождения.

В составе племенной группы багыш, локализованной в Октябрьском районе Джалал-Абадской области, числится мелкая, но выделявшаяся группа калмык. Она, как утверждают народные легенды, происходит от группы калмыков, отколовшихся от их основной части и постепенно влившихся в состав киргизского народа.

На основе собранных отрядом этнографических и фольклорных материалов представляется возможным хотя бы в общих чертах осветить этнические и генеалогические связи не только отдельных племенных групп киргизов правого и левого крыла и ичкиликов, но и их связи с узбеками и другими этническими группами, в той или иной степени участвовавшими в формировании киргизской народности.

Структура дореволюционных родоплеменных групп киргизов, связанных, как уже говорилось выше, общей генеалогией, и показания наших информаторов свидетельствуют о многовековой тесной связи киргизов, локализуемых на территории Ферганской долины, с киргизами Тянь-Шаня, Иссык-Куля, Таласа и других районов Северной Киргизии. Для подтверждения этого достаточно указать на локализацию не только отдельных племенных групп киргизов, как, например, сарыбагыш, саяк, мундуз, сару, кутчу, ктай и других, но и на ряд их мелких подразделений. Все они расселены на территории Южной и Северной Киргизии. В основу такого расселения названных групп киргизов легли, несомненно, социально-политические факторы. Они же вызвали многократное и довольно интенсивное передвижение многих этнических групп. Немаловажную роль в прежних передвижениях некоторых групп, очевидно, играли и традиции кочевого быта. Фольклорные сведения вполне убедительно и согласованно подтверждают факт существовавшей в отдаленном прошлом и в дореволюционные годы связи между определенными родоплеменными группами Южной и Северной Киргизии.

Ближайшее отношение к сказанному выше имеет факт тождественных наименований отдельных родовых подразделений: таковы, например, ктай, найман, монголдор, черик, ордай (ардай), сапалак, кыпчак, каткан, тулейкен, канды и многие другие.

Среди родоплеменных групп киргизов нередко встречаются названия, происхождения которых, вероятно, было обусловлено топонимикой, как, например, подразделение жылкельды, входившее в состав племени мунгуш. Это наименование, несомненно, связано с названиями ряда населенных пунктов, расположенных ныне на территории колхоза им. Шверника Карасуйского района. Таковы же наименования кыдырша, карачолок, каранай и ряд других. Однако чаще приходилось фиксировать обратные явления: названия населенных пунктов происходят от наименований родоплеменных групп, как, например, найман, кыпчак, мундуз, кызыл-аяк, боре, канды и многие другие.

Нам кажется, что собранные отрядом материалы в соединении с имеющимися историческими и архивными сведениями позволят исследователям более убедительно осветить историю формирования и расселения киргизского народа.

Я. Винников

Работа антропологического отряда

В состав отряда входили: Г. Ф. Дебец (начальник отряда), аспирантка Ин-та антропологии МГУ Н. Н. Миклашевская, студентка МГУ И. М. Золотарева и фотограф А. А. Кутинов.

Отряд, пройдя по маршруту около 7500 км, производил соматологические исследования населения Киргизии и соседних республик. Обследовано около 3000 взрослых мужчин (киргизов 2050, узбеков 550, казахов 200, таджиков 100, дунган 100). Охвачены все основные территориальные и этнографические группы киргизского народа (кроме проживающих на территории Таджикской ССР), а именно: территориальные группы Иссык-Кульская, Тяньшанская, Чуйская, Таласская, Ферганская, Алайская; этнографические группы: правое крыло (он): I — тагай (бугу, саяк, сарыбагыш, монголдор, черик, солто, багыш), II — адыгене (собственно адыгене, монгуш); левое крыло (сол): ктай, кутчу, саруу, басыз, мундуз; ичкилик (кыпчак, кесек, ават). Кроме того, исследованы сарт-калмаки, которых в настоящее время следует считать этнографической группой киргизского народа.

Не охвачены некоторые группы ичкиликов (найман, теит) и не выделены отдельные подгруппы в составе адыгене (бурю, баргы, джору и карабагыш). Однако, поскольку различия прослеживаются, повидимому, только между большими территориальными группами киргизского народа, в охвате и выделении этих мелких этнографических групп нет, как нам кажется, надобности.

Собранные и обработанные материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Можно утверждать, что киргизы в целом характеризуются признаками монголоидной расы в большей мере, чем какой-либо другой народ Средней Азии. Участие древнего, европеоидного по типу населения Киргизии в образовании киргизского народа невелико. Подавляющее большинство предков киргизского народа происходит из Центральной Азии. Даже та небольшая доля европеоидной примеси, которая имеется в составе киргизов, может быть в известной мере отнесена, во-первых, за счет смешения еще в пределах Центральной Азии, где европеоидная примесь отмечена, например, у тувинцев, во-вторых, за счет происходившего в течение последних столетий смешения с узбеками и таджиками.

Как уже отмечалось другими исследователями, примесь европеоидных элементов наиболее отчетливо выявляется у киргизов Ферганской долины. Монголоидные признаки наиболее резко выражены у киргизов Тянь-Шаня, Алая и Иссык-Куля. Киргизы Чуйской и Таласской долин занимают в общем промежуточное положение между тяньшанскими и ферганскими.

Более развернутая и более обоснованная характеристика физического типа киргизов и его значения для понимания этногенеза киргизского народа может быть дана после проведения дополнительных исследований с привлечением краниологического и остеологического материала, относящегося к киргизам XVIII — начала XX в., и данных других наук.

Кроме описанных исследований на территории Киргизии, сотрудник антропологического отряда аспирант Ин-та этнографии АН СССР В. П. Алексеев производил сбор краниологического материала по современному населению Хакасской автономной области. Собрано 140 черепов, которые следующим образом распределяются по этнической принадлежности: 50 черепов — шорских, 50 — бельтирских и 40 — сагайских. Сопоставление собранных черепов со средневековыми группами «енисейских кыргызов» показало, что современные киргизы более походят на енисейских, чем хакасы; можно, таким образом, утверждать, что основная масса «енисейских кыргызов» влилась в состав киргизского, а не хакасского народа, что не подтверждает ранее высказывавшуюся некоторыми исследователями (С. В. Киселев) точку зрения. Окончательный ответ на вопрос о родстве хакасского и киргизского народов и о связи их с «енисейскими кыргызами» может быть получен только после завершения сбора краниологического материала по современному населению Киргизии.

Г. Дебец

ТУВИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Тува — самая молодая из советских национальных областей, она вошла в состав Советского Союза в 1944 г. Вступление Тувинской Народной Республики в состав СССР на правах автономной области было подготовлено ее 23-летним содружеством с великой страной социализма.

За последние годы тувинский народ добился коренных преобразований во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Коммунистическая партия Совет-